

18+

Елена

Якушевич

Девушка в красных сапогах

Елена Якушевич

Девушка в красных сапогах

«Издательские решения»

Якушевич Е.

Девушка в красных сапогах / Е. Якушевич — «Издательские решения»,

Осень — это время истины. Когда вечера становятся слишком длинными, а тишина — слишком громкой. Когда за окном хлещет дождь, и ты наливаешь чай, и вдруг понимаешь, что в комнате, кроме тебя, никто не дышит. И вот тут — не тогда, когда ты в кругу друзей и рассуждаешь о свободе, а вот тут, в полутьме, с остывающей чашкой в руках — одиночество перестаёт быть философской категорией. Оно становится живым. Оно заползает под кофту, стучится в рёбра, задаёт вопросы, на которые нет лёгких ответов.

© Якушевич Е.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Просто соседи	8
Кошки скребут на душе	8
Серая мышь из бухгалтерии	10
Сосед из квартиры 42	13
Вероника	15
Мы выбираем, нас выбирают	16
Гулять под дождем	20
Девушка в красных сапогах	23
Илья	25
Тихий вечер	27
Сон	30
Реальность	32
Так вот кто ты такой!	33
Прошлые жизни	34
Замечательный сосед	35
С новосельем!	36
Приданое	38
Ника	40
Кофемания	41
Хочется петь и летать	43
Загадочная Ника	44
А жизнь, кажется, налаживается	46
Глава 2. Забытое прошлое	47
Он вернулся	47
Далекий август	48
Скелеты в шкафу	49
Воскресный вечер	51
Кафе «Черный кот»	52
Дела давно минувших дней	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Девушка в красных сапогах

Елена Якушевич

© Елена Якушевич, 2026

ISBN 978-5-0071-2710-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта история родилась из тишины. Из той самой тишины, которая наступает, когда лето — яркое, сочное, гулкое — вдруг обрывается, и мир становится прозрачным, влажным и медленным. Осень всегда приходит неожиданно, даже если ждёшь её по календарю. Она приносит длинные вечера, ранние сумерки, дождь за окном и странное чувство, будто кто-то невидимый расставил вокруг тебя зеркала.

Я хочу поговорить с вами об одиночестве.

Оно давно стало модным словом. Мы научились не бояться его, а точнее — бояться признаться в этой боязни. И тогда одиночество переименовывают. Называют его свободой. Свободой выбора, свободой от обязательств, от чужих ожиданий, от шума чужих голосов. Мы говорим себе: «Мне никто не нужен, я самодостаточен». В этом есть правда. И в этом есть выбор — настоящий, взрослый, достойный уважения. Есть люди, которым действительно лучше одним. Им не скучно, не больно, не пусто. Они умеют слушать себя, они наполнены миром, как спелое яблоко соком.

Но человечество никогда не переставало задавать один и тот же вопрос, шёпотом, в темноте, под шум дождя: «А человеку всё-таки нужен человек?»

Когда солнце ещё высоко, когда за окном смех, музыка, свет, когда жизнь кипит — ответ кажется очевидным: нет, я справляюсь. Одиночество — это роскошь, это пауза, это мой личный сад, куда я пускаю только избранных. Мы так думаем. Мои герои — Ника и Илья — думали именно так. Они были уверены, или им так казалось, что созданы для одиночества. Что оно их стихия, их броня, их способ дышать. Они выбирали его. Гордились им. Защищали его.

А потом пришла осень.

Осень — это время истины. Когда вечера становятся слишком длинными, а тишина — слишком громкой. Когда за окном хлещет дождь, и ты наливаешь чай, и вдруг понимаешь, что в комнате, кроме тебя, никто не дышит. И вот тут — не тогда, когда ты в кругу друзей и рассуждаешь о свободе, а вот тут, в полутьме, с остывающей чашкой в руках — одиночество перестаёт быть философской категорией. Оно становится живым. Оно заползает под кофту, стучится в рёбра, задаёт вопросы, на которые нет лёгких ответов.

В эти моменты мы узнаём, что одиночество — это не только отсутствие людей. Это отсутствие одного человека. Того, кто увидел бы твои красные сапоги на мокром асфальте и улыбнулся. Того, кто разделил бы с тобой этот вечер.

Я написала эту книгу о Нике и Илье. О двух людях, которые так долго убеждали себя, что им нравится быть одним. О том, как лето сменяется осенью и как меняются они. О том, что иногда свобода оборачивается клеткой, а одиночество — не выбор, а просто недоумение: «А где же все?»

Я не даю рецептов. Я не говорю, что каждый человек должен быть с кем-то. Есть те, кому действительно хорошо в одиночестве, и это прекрасно. Но мои герои не были из их числа. Они лишь так думали.

Так ли это? Узнаете, прочитав.

Знаете, в детстве я думала, что одиночество — это когда ты один. Теперь я знаю: одиночество — это когда ты рядом с кем-то, но не можешь сказать ему главного. Или когда ты ждёшь, что кто-то постучит в дверь, но не решаешься открыть первым.

Осень — время взять зонт и выйти под дождь. А иногда — время открыть дверь.

Пусть эта история станет для вас тёплым светом в длинном вечере. Пусть Ника и Илья будут рядом с вами, как они стояли рядом со мной, пока я писала эти 382 страницы. Я жила с ними эту осень — и, честно говоря, больше не хочу, чтобы они были одиноки.

Впрочем, они уже сами разберутся. А вы — просто почувствуйте.

*С любовью и тишиной,
ваш автор*

Глава 1. Просто соседи

Кошки скребут на душе

Суббота встретила Веронику свинцовым небом и монотонным шумом дождя. Дождь лил без перерывов, с какой-то унылой обязательностью, словно намеревался идти вечно. Она сидела на кухне, грея ладони о фарфоровую кружку, из которой тонким, колеблющимся завитком поднимался пар. Кофе был крепок до горечи, обжигал нёбо, но только его терпкий вкус ещё удерживал её на поверхности реальности.

За окном второго этажа мир потерял очертания и превратился в акварельную муть: серый асфальт, грязные лужи, размытые силуэты деревьев. Дождевые капли — крошечные хрустальные бусины — лениво сползали по стеклу, сливались в мутные дорожки, расчерчивая пейзаж неровными бороздами. Вероника следила за ними рассеянным взглядом и чувствовала, как глубоко в грудной клетке что-то ворочается — тяжёлое, липкое, назойливое. На душе скребли кошки: злые, ошестинившиеся, с острыми когтями, они раздирали утреннее спокойствие в клочья.

Когда-то, давно, бабушка говорила ей: «кошки скребут на душе». Вероника тогда пропустила эти слова мимо ушей, сочтя их просто красивым выражением, одним из тех старинных оборотов, которые пахнут нафталином и деревенским чаем. А потом, спустя годы, она поймала себя на том, что сидит вечером в звенящей тишине, уставившись в светящийся прямоугольник телефона, а внутри — царапает. Не боль, не страх, а именно скребёт: маленькие настойчивые коготки водят по стеклу души изнутри, нетерпеливо, то затихая, то принимаясь с новой силой. Иногда ей казалось, что там, внутри, целый выводок — чёрные, рыжие, чёрно-белые, даже белые и пушистые — но все беспокойные, все шипящие, все требуют чего-то, чего она сама не понимала.

И тогда до неё дошло: «Боже, как же точно названо то, что я чувствую. Точно, как будто кто-то задолго до меня знал, как выглядит тревога без имени».

Сейчас она попробовала разобраться в своём состоянии. Тревога не кричала — она была тихой и настойчивой, как звук, когда кошка упорно скребётся когтями в закрытую дверь, требуя, чтобы её впустили.

Внешне Вероника оставалась спокойной: чашка в руках, плечи расправлены, взгляд ровный. Но внутри, в глубине, металась и шипела всё та же разношёрстная стая. То замирала, прислушиваясь, то принималась скрести с удвоенной энергией — особенно когда рядом не было никого, кто мог бы отвлечь, разделить с ней эту тревогу.

В такие минуты Вероника ловила себя на том, что вздыхает беспричинно, смотрит в одну точку, и в голове, как осенние листья, кружатся обрывки невысказанного.

И постепенно она начала понимать: эти кошки — не просто тревога. Это тоска по всему, что осталось недосказанным, недоделанным, неоткрытым. Неотправленные сообщения. Отложенные разговоры. Закрытые двери, от которых она всё ещё не решилась отойти.

Иногда Вероника думала: «Может, я потому и слышу их, что чувствую: пора что-то менять. Но я ещё не готова. И тогда мне становится стыдно перед собой — за эту чёртову неготовность. Но потом я вспоминаю: это же я. И это царапанье — просто пульс моей души, неровный, живой, настоящий».

В такие моменты Вероника заворачивалась в тёплый выцветший плед, заваривала мятный чай и просто сидела — не пытаясь прогнать кошек. Она прислушивалась к их шороху, к их нетерпеливому шипению, и понемногу начинала различать за этим звуком что-то живое, трепетное, необъяснимое. Это не болезнь. Не поломка. Это просто время линьки души: она,

как старая мудрая кошка, сбрасывает отжившее, чтобы потом сделать глубокий вдох и пойти дальше. Наверное, именно об этом состоянии и сказано словами — простыми, мудрыми, точными — «кошки скребут на душе». И Вероника была благодарна, что у этого есть имя: когда знаешь, как называется твоя боль, она становится чуточку ручной. И с ней можно жить и дышать.

Серая мышь из бухгалтерии

Три года назад ее яркая студенческая жизнь внезапно закончилось. Ещё вчера — шумные коридоры университета, ночные разговоры на кухне общежития, веселые дискотеки, спонтанные поездки на электричках за город, лица однокурсников, дни, полные планов.

А теперь — родной город, который за годы учебы в столичном университете стал чужим и тесным. Вероника вернулась сюда по распределению, с дипломом с отличием, который здесь никому не был нужен, кроме отдела кадров. И её новая жизнь оказалась до невозможности плоской и серой.

Утро начиналось одинаково: будильник, кофе, дорога, кабинет. Бухгалтерские отчёты, вечные «сверки», цифры, которые сливаются в одну липкую массу. Вокруг — женский коллектив, где каждый день одни и те же разговоры: кто с кем, кто в чём пришёл, кто что сказал и что это значило. К полудню понедельника Веронику уже тошнило от этого бесконечного шушуканья, от запаха дешёвого кофе и от собственной роли тихой девочки, которая когда-то мечтала о другой жизни.

Ей двадцать пять — а кажется, что всё уже случилось и ничего больше не будет. Она ловила себя на том, что дни складываются в недели, недели — в месяцы, и всё это похоже на бесконечный день сурка, из которого нет выхода.

Вероника так устала от бесконечных таблиц и серых будней в бухгалтерии, что в пятницу вечером ей отчаянно захотелось праздника и ярких впечатлений. Кафе «Черный кот» встретило её как сверкающий оазис — пожалуй, именно этого она и ждала, сбегая от давящего одиночества. Этот зал был подобен плотку ледяной воды в пустыне. Свет софитов, бликующий на бокалах, музыка, прошивающая воздух насквозь, и яркие, смеющиеся лица — всё это казалось ей почти нереальным.

Она коснулась края своего нового пальто, и вдруг осознала, как сильно ей надоело быть «невидимкой». Ей нестерпимо хотелось сбросить с себя груз бухгалтерских отчетов, раствориться в этом общем веселье и, наконец, почувствовать себя живой — такой же яркой и праздничной, как люди вокруг.

Максим — обаятельный, с искристой улыбкой и глубоким голосом — показался спасательным кругом в сером потоке будней. Они смеялись, танцевали, обсуждали кино, пили вино. Он был так внимателен, так предупредителен, что Вероника почти поверила в чудо. Она позволила себе расслабиться. Она позволила ему проводить ее до дома.

А потом все рассыпалось, как картонный домик, от одного неосторожного движения. Они остановились у самой двери, еще не успев попрощаться. Максим вдруг перестал смеяться, и эта мгновенная смена маски сбила Веронику с толку. Еще секунду назад он рассказывал какой-то пустяковый случай, а теперь его глаза, блеснувшие в тусклом свете подъездной лампочки, стали жесткими и холодными.

Он шагнул вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума. Вероника не успела отступить: ее спина с глухим стуком встретилась с холодной металлической поверхностью двери. Максим навис над ней, лишая минимального пространства для маневра. Его рука, еще недавно такая бережная, вдруг стала тяжелой и настойчивой. Она резко, без единого слова предупреждения, скользнула под полы ее пальто.

Вероника почувствовала, как чужие, прохладные пальцы коснулись кожи через тонкую ткань блузки. Это прикосновение было наглым, собственническим, лишенным даже намека на нежность — словно он уже давно распоряжался ее телом как своей собственностью.

Она замерла. Внутри всё сжалось от странного, липкого страха, смешанного с острым чувством омерзения. Она попыталась отстраниться, инстинктивно вжавшись плечами в дверь, но он лишь сильнее прижал ее к металлу, окончательно блокируя движение. В этот момент

стала ясна пугающая истина: вся та легкость, галантность и «уют», о которых он так красиво говорил весь вечер, были лишь декорациями, за которыми скрывался совсем другой, чужой и неприятный человек.

Вероника зажмурилась, но перед глазами до сих пор стояло искаженное злобой лицо Максима.

— Ну и ломаешься ты зря, — его голос, еще недавно такой приятный, превратился в холодный, скребущий металл. — Обычная серая мышь из бухгалтерии, решила из себя недо-трогу строить?

Он выплюнул это с такой легкостью, будто смахивал пыль с рукава. Оскорбления летели в лицо, словно комья грязи, и она помнила, как онемела от шока, как не нашлась с ответом, просто застыла, пока он разворачивался и уходил, громко хлопнув дверью подъезда.

Вероника сделала глоток кофе и поморщилась. Горячая жидкость обожгла горло, но это была лишь физическая боль, которая помогала заглушить ту, душевную. Грязные слова эхом отдавались в тишине пустой квартиры. «Серая мышь», «бухгалтерша», «кому ты нужна».

Она поставила кружку на стол с глухим стуком. Взгляд снова упал на окно. Дождь усилился, превращаясь в настоящий ливень. Мир за стеклом стал еще более чужим и неприветливым. Вероника вздохнула, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение — на него, на себя, на этот дождь, на этот день, который уже был безнадежно испорчен.

В тишине квартиры внезапно завибрировал телефон. Вероника вздрогнула, выплеснув немного кофе на стол. Она посмотрела на экран: незнакомый номер. Сердце сжалось. Неужели он? Снова решил что-то сказать? Или это просто случайность?

Пальцы слегка дрожали, когда она потянулась к устройству. В голове крутилась лишь одна мысль: «Только не он. Пожалуйста, только не он».

Телефон вибрировал на столе, как назойливое насекомое. Вероника протянула руку. Экран светился ярким прямоугольником, высвечивая набор цифр, который ей ни о чем не говорил.

Она поджала губы, глядя на вызов. Внутри привычно шевельнулось предостережение: «мошенники». За последний год Вероника выработала почти инстинктивную неприязнь к любым входящим с неизвестных номеров. Это стало ее правилом, броней, защищающей от назойливых предложений банковских услуг, опросов и откровенного обмана.

Телефон продолжал вибрировать, настойчиво напоминая о себе. Вероника сидела на стуле, чувствуя, как вчерашний вечер, словно дурной туман, снова накрывает ее сознание. Взгляд Максима, его холодные пальцы на теле... Она до сих пор чувствовала этот фантомный след на своей пояснице.

«А если это кто-то важный?» — мелькнула предательская мысль.

Телефон замолчал. Вероника выдохнула, чувствуя облегчение. Но почти сразу, словно в насмешку, экран снова ожил. Снова тот же номер.

Палец завис над красной иконкой сброса. Она закусила губу. В тишине квартиры, где эхо вчерашнего неприятного свидания еще не до конца утихло, этот звонок казался ей каким-то наглым вторжением.

— Если ты действительно кто-то, кому я нужна, ты напишешь, — вслух произнесла она, обращаясь к безмолвному аппарату. — Сейчас все есть в мессенджерах. А если нет — значит, это просто очередной спам.

Она смахнула вызов вправо, отправляя его в «отклоненные», и тут же добавила номер в черный список. Пальцы слегка дрожали. Ей показалось, или в воздухе повисло нехорошее предчувствие? Она не хотела отвечать, боясь услышать чей-то чужой, вкрадчивый голос, который мог бы разрушить ее хрупкое утреннее спокойствие. Но в то же время, где-то глубоко внутри, ее точило сомнение: а не совершила ли она ошибку, закрыв дверь перед чем-то, что могло быть важнее, чем она сама готова признать?

Вероника отложила телефон экраном вниз и взяла чашку, чтобы допить свой горький кофе. Ей нужно было успокоиться. Ей нужно было забыть о том, как Максим прижал ее к двери, и о том, почему этот безобидный звонок заставил ее сердце биться так тревожно, словно она ждала не голоса, а приговора.

Кофе, который Вероника попыталась допить, оказался пролитым. Чашка выскользнула из влажных рук, и темная лужа стремительно расплзлась по столешнице, капая на пол. Чашка оказалась в раковине, вслед за ней туда полетела ложка, жалобно звякнув о фаянс. Вероника обреченно опустила плечи.

Серый дождливый день за окном, казалось, специально сгущал краски, превращая квартиру в унылый аквариум. Она вытерла пол, бросила тряпку в ведро в ванной и прошла в комнату. Плюхнувшись на старый диван, она уставилась в потолок, где трещинка на побелке уже давно напоминала ей карту какой-то неведомой страны.

Мысли о ремонте пришли сами собой, как навязчивая мелодия. Квартира, доставшаяся в наследство от бабушки, была наполнена духом прошлого: тяжелые портьеры, паркет, который скрипел на каждом шаге, и обои в мелкий цветочек, вызывающие легкую тошноту. Ей хотелось пространства, света, скандинавского минимализма, где ни одна лишняя вещь не напоминала бы о пыльном быте. Но бюджет был категорически против ее дизайнерских порывов.

Просить денег у родителей? Вероника поморщилась. Мама тут же заведет старую пластинку: «Вместо того чтобы стены красить, лучше бы человека достойного нашла. Ремонт — это дело мужское, вот выйдешь замуж, муж все сделает». Отец, как обычно, будет молча смотреть в телефон или телевизор, уклоняясь от участия в женских разборках. Нет, она справится сама. Позже. Когда-нибудь. В конце концов, в двадцать пять лет иметь свою «двушку» — это уже подарок судьбы, даже если эта судьба пахнет бабушкиным нафталином.

С этой мыслью она закрыла глаза, погружаясь в полудрему под мерный стук дождя по карнизу.

Сосед из квартиры 42

Пробуждение было резким, как удар тока. Потолок задрожал. Над головой, словно рушились небеса, загрохотал бас — тяжелый, вибрирующий, с металлическим скрежетом электрогитар.

Вероника вздрогнула и села, прижимая ладони к ушам.

Сосед. О, этот новый обитатель квартиры номер сорок два был ее персональным проклятием. Он появился полгода назад, и с тех пор тишина в доме стала роскошью, доступной только по большим праздникам. Если он не сверлил стены, превращая квартиру Вероники в филиал строительного полигона, он включал свою музыку, от которой звенела посуда в шкафах.

Но началось все, конечно, не с музыки.

Ее маленькая, аккуратная машина, которую она ласково звала «Букашка», стала для него поводом для насмешек при первой же встрече. Когда он, огромный, широкоплечий, в заляпанной краской футболке, перекрыл ей выезд на своем черном внедорожнике, похожем на бронированный сейф, Вероника решила на робкое замечание.

Он тогда посмотрел на нее сверху вниз, криво усмехнулся и бросил через плечо:

— О, а это у вас машина или букашка на колесиках? Эту букашку ветром сдует, если я чуть сильнее нажму на газ.

Вероника сжала кулаки, слушая, как над головой продолжается этот адский «концерт». Она встала, подошла к стене и с остервенением постучала ложкой по батарее.

— Да сколько можно! — крикнула она в пустоту, прекрасно понимая, что он ее не услышит.

Музыка на секунду стихла, а затем стала еще громче. Он точно издевался. Вероника накинула кардиган, даже не заботясь о том, как она выглядит, и решительно направилась к выходу. С нее хватит. Сегодня этот черный монстр и его хозяин-меломан узнают, что у «букашки» тоже есть характер.

Вероника лихорадочно рылась в недрах прихожей, отшвыривая в сторону то домашние тапки, то зонт, то пустую хозяйственную сумку. Сердце колотилось, отдавая в висках гулким эхом недавней музыки. Куда она могла деть эту злосчастную сумку? Она же клялась себе вчера, что положит ключи на полку, но вместо этого просто вывалила содержимое карманов на тумбочку, а сама сумка... Где она?

В этот момент оглушительный бас, дробивший ее череп последние пять минут, внезапно оборвался. Тишина, наступившая в квартире, показалась почти физически ощутимой, звенящей и тяжелой. Вероника замерла, прислушиваясь. Ни шагов, ни гула техники. Только шум дождя за окном стал слышен отчетливее.

Наконец, рука нащупала под вешалкой что-то кожаное. Сумка! Она валялась под плащом, жалобно примятая каблуком сапога. Вероника рванула замок, выудила связку ключей и, не тратя времени на прическу или хоть какой-то порядок в одежде, рванула дверь на себя.

Она была готова к скандалу. У нее уже созрел план: перебить его, не дать вставить ни слова, высказать всё — про «букашку», про бессонные ночи, про его хамство и про то, что она больше не потерпит превращения своего дома в концертный зал.

Но реальность оказалась совсем другой.

Сосед уже был в пролете лестницы. Он спускался быстро, легко перепрыгивая через ступеньку. Высокий, в безупречно сидящей черной косухе, подчеркивающей плечи, с аккуратно уложенными волосами — совсем не тот небрежный маляр, которого она видела в день «парковки» еще летом. Он выглядел так, словно собрался как минимум на свидание или деловую встречу. И он напевал. Что-то ритмичное, мелодичное, совсем не похожее на тот тяжелый рок, от которого содрогались стены.

Вероника застыла на пороге, открыв рот. Он что, только что устроил ей персональный ад, а теперь уходит в люди как ни в чем не бывало?

Он вдруг остановился на площадке ниже, словно почувствовав ее взгляд. Обернулся. Его лицо осветилось широкой, искренней улыбкой, в которой не было ни грамма того яда, что он извергал при их первой встрече.

— Привет, соседка! — крикнул он бодро, даже как-то по-свойски.

Прежде чем Вероника успела вдохнуть, чтобы выплеснуть накопленный гнев, он уже вернулся и на ходу небрежно бросил:

— Извини за внезапный рок-концерт, музыка сама включилась. Я тут вообще ни при чём, просто жертва обстоятельств.

И скрылся за поворотом лестницы. Слышно было только, как быстро и уверенно зашуршали его кроссовки по бетонным ступенькам, удаляясь к выходу из подъезда.

Вероника осталась стоять в дверях, сжимая в руке ключи. В воздухе еще витал тонкий, едва уловимый шлейф дорогого парфюма с нотками кедра и цитруса.

— Привет? — прошептала она в пустоту, чувствуя, как внутри закипает уже не столько злость, сколько какое-то странное, острое раздражение.

Это было слишком легко. Он просто «приветнул» ее, словно они были старыми друзьями, а не врагами, и исчез, оставив ее наедине с ее же яростью, для которой теперь не было адресата.

Вероника с грохотом захлопнула дверь, но не заперла ее. Она прислонилась лбом к холодному дереву, чувствуя, как глупая ситуация начинает вызывать у нее истерический смешок. «Мужчина с характером», — подумала она. — «Да нет, это просто какой-то сюрреалистичный кошмар».

Вероника

Вероника перевела взгляд на календарь, висевший на стене прихожей. 2025. А ей двадцать пять. Цифра казалась почти монументальной, будто за ней начиналась какая-то другая, взрослая жизнь, где не было места ни спонтанным порывам, ни глупым надеждам. Впрочем, вся жизнь Вероники до сих пор состояла из сплошных «правильных» решений.

В школе она была той самой девочкой с первой парты, чьи тетради всегда были обернуты, а почерк — ровным, почти каллиграфическим. Она не хватала звезд с неба, не участвовала в шумных бунтах и не пропускала уроки, аттестат получила с высоким баллом. Мама, женщина с суровым взглядом и калькулятором вместо сердца, работавшая главным бухгалтером на крупном предприятии, тогда лишь одобрительно кивнула: «Учет — это стабильность, Вероника. Бухгалтер — он как врач, всегда нужен. Без работы не останешься».

Вероника не спорила. Она легко поступила на бюджет, отучилась, отработала положенные три года по распределению в пыльной конторе и, едва сбежав из «оков» обязательности, сразу перешла в фирму покрупнее, где платили вдвое больше.

Зеркало в прихожей отражало девушку, которая, казалось, сама не осознавала своих данных. Природа была к ней щедра: высокий рост, тонкие, аристократические черты лица, густая копна светло-русых волос, которые Вероника вечно стягивала в тугую, невыразительный узел на затылке. Ее карие глаза, обрамленные такими пышными ресницами, что любая коллега позавидовала бы, чаще всего были опущены в монитор или отчеты. Она не была худышкой — фигура у нее была статная, с аппетитными формами, которые она старательно прятала в мешковатые блузки 46-го размера. Вероника словно пыталась слиться со стенами, стать невидимой частью офисного интерьера.

За три года работы в бухгалтерии она усвоила один горький урок: женский коллектив — это не про дружбу и взаимовыручку. Это был террариум, где каждый день проходил в режиме негласного выживания.

По отдельности ее коллеги казались вполне адекватными людьми. Светлана Петровна, бухгалтер по зарплате, любила рассказывать про своих внуков, Ирина, вечно карпевшая над основными фондами, — про дачу, а молодая Леночка, материалист, вечно обсуждала последние сериалы. Но стоило им собраться вместе в одном кабинете, как воздух становился тяжелым, пропитанным ядом недомолвок и липким вниманием к деталям.

Здесь существовали свои негласные законы. Если ты надела новое платье — это либо «попытка кого-то подцепить», либо «трата денег, которые лучше бы вложить в квартиру». Если ты задержалась на работе — «выслуживаешься перед начальством», если ушла вовремя — «ленивая и безответственная».

Вероника быстро поняла, что в этом серпентарии любая личная информация, случайно оброненная в разговоре, через час становилась достоянием общественности, обрастая выдуманными подробностями. Она научилась держать оборону: минимум личного, максимум рабочих фраз, взгляд в пол и неизменная вежливость, за которой пряталась глухая стена.

Она привыкла быть послушной дочерью и исполнительным работником. Внутри нее, под слоями воспитания и страха показаться «неправильной», жила Вероника, которая иногда мечтала надеть что-то яркое, распустить волосы и хотя бы раз в жизни сделать что-то совершенно безумное. Но пока что ее самым безумным поступком был переезд в бабушкину квартиру подальше от материнских советов. И вот теперь, столкнувшись с соседом-меломаном, она впервые за свои двадцать пять лет почувствовала, как привычный, выверенный до копейки мир начинает давать трещину. И, к ее собственному удивлению, этот мир пугал ее меньше, чем ожидалось.

Мы выбираем, нас выбирают

Вероника постояла у двери, а потом плотно закрыла ее на замок. В квартире воцарилась давящая тишина, и она принялась рассеянно раздумывать, чем бы занять эту неожиданно свободную субботу. Однако долгих раздумий не получилось: резкий звук входящего звонка вспорол тишину, заставив ее вздрогнуть. Вероника, еще не успевшая до конца остыть, потянулась к гаджету. На экране высветилось «Аня».

Аня была из тех людей, которых невозможно не заметить, даже если очень постараться. Высокая, чуть полноватая, с копной блондинистых волос, настолько пережженных краской, что они напоминали мочалку; она вечно собирала их в небрежный пучок, но непослушные сухие пряди всё равно торчали во все стороны. Она говорила громко, смеялась ещё громче.

Вероника вспоминала, как вчера вечером сидела с Аней в кафе, подперев щеку ладонью, и слушала её непрерывную болтовню вполуха. Аня рассказывала о своей новой работе в каком-то агентстве, о начальнике, который «просто душит своим интеллектом», о том, что она опять села на диету, но сегодня позволит себе чизкейк, потому что «ну не могу я, Вероника, я же человек». И всё это с такой интонацией, будто они лучшие подруги, будто не было той давней дурацкой истории, о которой Вероника старалась не думать.

Аня всегда была такой. Ещё в школе она липла к Веронике, как репейник. Сиделась за одну парту, хотя в старших классах Вероника больше общалась с одноклассницей Мариной, и сидела она с ней за одной партой. Аня любила делиться «секретами», рассказывая про мальчиков, про ссоры с мамой, про то, что у неё «опять прыщ на подбородке, кошмар».

Вероника тогда была тихой, стеснительной девочкой, которая не умела отказывать. Вот Аня и пользовалась — не зло, нет, скорее, как-то по-свойски, по-детски, будто имела на неё право.

А потом, в конце августа, случилась та неприятная история.

В начале сентября они разъехались — Вероника в Минск, Аня тоже в Минск, но в другой университет. Встречались пару раз в родном городе, но как-то сухо, издалека. А потом обе вернулись в город — маленький, уютный, где все друг друга знают. Вероника надеялась, что прошлое останется в прошлом. Но нет — Аня, будто ничего и не было, ворвалась в её жизнь снова.

Вероника иногда встречалась с Аней, та приглашала ее в кафе, на прогулки, но внутри у нее при каждой встрече было мутно. Она хотела забыть. Хотела, чтобы та история растворилась, как сахар в чае. Но Аня не давала. Веронике каждый раз хотелось сказать «нет». Но Аня смотрела на неё с таким ожиданием, с такой надеждой, что Вероника чувствовала себя неловко. Опять побеждала эта старая привычка — уступать.

«Почему я никак не могу от неё отделаться?» — думала Вероника. И сама себе отвечала: потому что Аня — как старая рана, которая не заживает, потому что каждый раз, когда она видит её, Вероника невольно вспоминает ту историю — и себя, тогдашнюю, испуганную, слабую, которая позволила, чтобы её втянули в эту неприятную игру. Или она сама виновата? Вероника уже и сама не была уверена. Иногда ей казалось, что злость на Аню — это просто злость на саму себя.

Сейчас, глядя на телефон, Вероника, буркнула себе под нос:

— И почему я всегда попадаю в такие истории?

Телефон не умолкал.

— Алло? — голос у Вероники был звонким, адреналин еще бурлил в крови.

— Вероника! Ну что? — голос Ани в трубке звучал бодро. — Я жду подробностей. Ты вчера так быстро исчезла, что я даже не стала вечером звонить, чтобы спросить, как доехала. Как он? Максим этот?

Вероника села на диван, чувствуя, как в груди неприятно кольнуло. Вчерашний вечер, который начинался как нечто интригующее, теперь казался неудачной сценой из второсортного фильма.

— Ань, если честно, лучше бы я вызвала такси сразу после того, как вы с Антоном уехали, — тихо сказала Вероника, потирая виски.

— Так, — тон Ани мгновенно сменился с любопытного на сосредоточенно-серьезный. — Это звучит не как «мне было скучно». Рассказывай. Что случилось?

Вероника замялась. Рассказывать о том, как Максим, еще полчаса назад галантно отодвигавший стул, превратился в хама, ей не хотелось. Это казалось постыдным. Будто она, взрослая девушка, совершила глупую ошибку, поверив в сказку.

— Да ничего особенного, — она вздохнула, стараясь говорить ровно. — Оказалось, что он совсем не джентльмен. Скорее, наоборот.

— Что он сказал? — голос Ани стал жестче.

— Ты же знаешь, я не люблю конфликтов, но он... он откровенно оскорблял меня. Причем так быстро переключился с комплиментов на грязь, что я даже не поняла, как это произошло.

— Боже, Вероника, какой кошмар, — Аня возмущенно выдохнула. — Ты его хоть послала?

— Я просто ушла, — ответила Вероника, глядя в окно на серую многоэтажку напротив. — Не стала ничего доказывать. Мне стало так противно, что я была рада просто уйти. Честно, Ань, я еще легко отделалась. Если бы я повелась на его очарование дольше, чем на час, думаю, проблем было бы больше.

— Ну и правильно, — Аня явно успокоилась, но в ее голосе все еще звучала злость. — Знаешь, я Антону вчера еще по дороге домой сказала: какой-то тип подозрительный. У него взгляд был такой... хищный. Антон еще смеялся, мол, я придумываю. А вот видишь? Интуиция меня не подвела. Хорошо, что ты не растерялась.

— Я просто хочу об этом забыть, — призналась Вероника. — Это напомнило мне, почему я вообще ни с кем не знакомлюсь. Спокойнее быть одной.

— Не говори глупостей! — отрезала Аня. — Один придурок не делает всех мужчин такими. Просто Максим — неудачный экземпляр. Главное, что ты поняла это сразу, а не через месяц отношений. Мы с Антоном сегодня вечером планировали зайти в ту же кофейню, если хочешь — присоединяйся, посидим, выпьем латте, забудем про этого хама.

— Спасибо, Ань, — Вероника слабо улыбнулась. — Но сегодня я, пожалуй, останусь дома. Нужно привести мысли в порядок.

— Ладно, — согласилась Аня. — Но если что — сразу звони. Мы с Антоном тебя в обиду не дадим.

Вероника нажала кнопку отбоя и отложила телефон. В комнате снова стало тихо. Она давно уже не чувствовала себя виноватой за то, что «не понравилась» или «не оправдала ожиданий». Она просто была собой, и этого оказывалось достаточно, чтобы вовремя увидеть фальшь. И этот случай, хоть и неприятный, вдруг показался ей всего лишь случайным стечением обстоятельств.

Вероника тяжело вздохнула, глядя на запотевшее стекло окна, за которым по-прежнему моросил дождь. Мысли о Максиме были липкими, как дешевый сироп, и она отчаянно пыталась переключиться на что-то светлое, пусть и слегка горячее. Она вспомнила Аню.

Перед глазами всплыла картинка: полтора года назад, то же самое кафе «Черный кот». Они тогда сидели за тем же угловым столиком, пили латте, и Аня, смеясь, рассказывала что-то о работе. Именно в тот вечер появился Антон. Тогда он показался Веронике совершенно «не ее» типажом: долговязый, слишком худощавый, с какой-то почти мальчишеской, суетливой

улыбкой. В нем не было той внешней уверенности или «брутальности», на которые Вероника всегда неосознанно западала.

Но с Аней у них всё сложилось удивительно легко. Как пазл, который сложился с первого раза.

За эти полтора года Антон поразительно изменился. Худоба ушла, сменившись подтянутостью, плечи расправились, а в глазах появилась та самая взрослая, спокойная глубина, которая делает мужчину интересным. Он не просто возмужал внешне — он стал человеком, с которым хочется разговаривать часами, чье мнение кажется весомым и честным. Вероника узнала его лучше, видела, как заботливо он подает Ане пальто, как внимательно слушает её, даже если она несет полную ерунду.

И вот теперь, сидя в одиночестве, Вероника почувствовала, как под ребрами зашевелился тонкий, холодный червь зависти. Это чувство было неприятным, колючим, но таким отчетливым, что его невозможно было игнорировать.

Ведь на месте Ани могла быть она. Антон был тем типом людей, которых начинаешь ценить не сразу, а распробовав, как дорогое вино. А теперь он принадлежал не ей. Аня была счастлива — по-настоящему, без драм и пошлых сцен, с которой Вероника столкнулась вчера.

Она глубоко вздохнула. Вопрос, который она боялась задать себе вслух, вдруг прозвучал внутри с пугающей ясностью: что с ней, Вероникой, не так? Почему её «радар» раз за разом настраивается на тех, кто в итоге пытается сломать её личность, в то время как рядом с Аней оказался человек, способный строить и беречь?

— Значит, дело не в них, — прошептала она едва слышно. — А в том, кого я позволяю себе выбирать. И почему я до сих пор соглашаюсь на меньшее, чем заслуживаю.

Червь зависти на секунду затих, уступая место холодному, отрезвляющему осознанию, от которого внутри стало еще неуютнее.

Дождь за окном не собирался заканчиваться. Стекло, испещренное длинными, извилистыми дорожками воды, искажало реальность, превращая городской пейзаж в абстрактное полотно. Вероника стояла на кухне. Внизу, в серой пелене, мелькали цветные пятна — чьи-то ярко-желтые, синие, красные зонты. Люди торопливо перепрыгивали через лужи, их движения казались механическими, лишенными какого-либо смысла.

Машины проносились по мокрому асфальту с глухим, шуршащим звуком, выбрасывая из-под колес веера грязных брызг. Вероника наблюдала за ними, но видела совсем другое. Перед глазами всплывала вчерашняя сцена: лицо Максима, перекошенное от раздражения, его резкие слова, которые, казалось, до сих пор висели в воздухе этой квартиры тяжелым, непроветриваемым слоем. Она снова прокручивала в голове их диалог, анализируя интонации, жесты, пытаясь найти тот самый момент, где всё пошло не так, где их общение свернуло на кривую дорожку.

В квартире было слишком тихо, и эта тишина давила на уши.

Вероника не выдержала. Она взяла телефон, экран которого привычно вспыхнул, осветив её лицо тусклым светом. Палец сам собой потянулся к иконке Instagram¹. Она открыла ленту, но сторис друзей, пестрящие «идеальной» жизнью — завтраки с круассанами, спортзалы, путешествия — вызвали лишь глухое раздражение. Она пролистала их за секунду, даже не вчитываясь в подписи.

Переключившись на Threads², она надеялась найти там что-то живое, искреннее, какую-то мысль, которая отозвалась бы внутри. Но и там была лишь бесконечная череда чужих рассуждений, шуток и попыток казаться остроумными. Бессмысленный скроллинг стал для неё

¹ Деятельность социальной сети Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) запрещена на территории Российской Федерации.

² Threads — новое приложение корпорации Meta (признана в РФ экстремистской и запрещена)

своего рода защитной реакцией: она просто сдвигала пальцем реальность вверх, надеясь, что где-то там, за очередным постом, прячется ответ на её вопросы.

Но ничего не цепляло.

Тексты мелькали перед глазами, как размытые огни автомобильных фар за окном. Одно предложение о продуктивности, другое о любви, третье о политике. Всё казалось пустым, картонным. Вероника чувствовала, как внутри растёт пустота, заполняя собой всё пространство — от кончиков пальцев до груди. Она вдруг осознала, что ищет в телефоне подтверждение своей значимости, ждет, что какой-то случайный алгоритм подкинет ей мудрость или утешение, но всё, что она получала — это лишь нарастающее ощущение оторванности от жизни.

Она заблокировала экран. Телефон погас, превратившись в черное зеркало, в котором отразилась её собственное унылое лицо. Дождь за окном продолжал барабанить, упорно пытаясь достучаться до неё, но Вероника лишь крепче сжала пальцы, чувствуя, как внутри, под слоем этой странной апатии, медленно закипает совсем другое чувство — злость на саму себя за эту беспомощность.

Гулять под дождем

Стены квартиры, еще утром казавшиеся уютной крепостью, к обеду начали давить. Вероника не могла никак успокоиться, она прохаживалась по квартире, слонялась из угла в угол, чувствуя, как внутри нарастает зудящее беспокойство. Ей требовалось движение. Ей нужно было пространство, свобода.

За окном серый город тонул в затяжном осеннем дожде. Люди на улице, если верить выражению лиц прохожих, проклинали небо, но Вероника всегда верила в одну простую истину: не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда.

С решительным вздохом она распахнула створки шкафа. Ее взгляд скользнул по привычным офисным блузкам и строгим жакетам, пока не остановился на ярком, почти вызывающем пятне. Красные резиновые сапоги. В комплекте к ним шла такая же дерзкая, алая куртка-дождевик. Это было именно то, что нужно.

Вероника быстро натянула черные лосины, которые плотно облегали ее длинные, стройные ноги, добавила легкий хлопковый лонгслив и пару плотных носков. Надела сапоги, поправила куртку. В зеркале отразилась высокая, подтянутая девушка, чья яркая одежда словно бросала вызов мрачному пейзажу за стеклом. Она схватила огромный черный зонт — массивный купол, который станет ее личным небом в этот дождливый серый день.

Выйдя из подъезда, Вероника сделала глубокий вдох. Влажный, прохладный воздух ворвался в легкие, вытесняя остатки напряжения. Капли дождя с сухим шорохом забарабанили по куполу зонта — ритмичная дробь, которая сразу задала темп прогулке.

Она вышла на улицу, не спеша, будто давая себе последнюю секунду на сомнение. Внутри что-то трепетало — не страх, а ожидание, как перед прыжком в неизведанное.

Сначала Вероника двигалась осторожно, огибая лужи привычным, выученным за годы движением — так ходят все, кто с детства усвоил: чистота важнее, мокрые ноги — это плохо, взрослые не одобряют. Но эта осторожность была уже чужой, наносной, как старая кожа, которую хочется содрать.

Она остановилась у самой большой лужи на тротуаре. Та лежала перед ней — темная, зеркальная, вбирающая в себя серое небо. И вдруг что-то щёлкнуло внутри, какая-то дверца распахнулась. Вероника шагнула — прямо, без разбега, без борьбы с собой. Сапог встретил воду, и та послушно расступилась, взметнувшись в стороны веером тяжёлых сверкающих брызг. Звук — сочный, глубокий, почти неприличный в своей откровенности — ударил в уши, и она засмеялась. Не тихо, не смущённо, а раскатисто, по-детски, на всю пустую улицу.

Ощущение было странно телесным, почти чувственным. Вода облепила голенище, холод проник сквозь резину, но не укусил, а скорее погладил, напоминая, что она живая, что тело — не просто оболочка, а инструмент для радости. Брызги осели на штанинах, на руках, на лице — мельчайшая прохладная пыль, и каждая капля казалась крошечным освобождением. Вероника поняла: все эти годы она не просто обходила лужи — она обходила саму себя, своё право быть неаккуратной, громкой, настоящей.

Вторая лужа была уже не случайной — она выбрала её, прицелилась, шагнула с размахом, и вода рванула в стороны, как испугнутая стая. Улыбка стала шире, в глазах загорелся азарт. Теперь она не шла — она охотилась за лужами. Третья, четвёртая, пятая — каждая встреча с водой была маленькой победой, каждым шагом она смывала с себя чужую осторожность, чужое ожидание быть удобной. Она специально искала лужи поглубже, и с каждым шагом она чувствовала, как из неё выходит прежняя Вероника — тихая, незаметная, послушная. И входит новая — та что знает цену себе и не боится запачкать сапоги.

Напряжение, которое еще полчаса назад сковывало плечи, начало таять. Оно стекало вместе с дождевыми каплями, уходило в землю, растворялось в серых потоках на асфальте.

Вероника чувствовала, как с каждым шагом становится легче, как мысли, до этого спутавшиеся в серый колючий клубок, выпрямляются и выстраиваются в ровный, спокойный ряд.

Редкие прохожие, попадавшие на пути, казались ей персонажами немого кино. Они кутались в шарфы, вжимали головы в воротники, прятали лица от летящей влаги, озабоченные лишь тем, как быстрее добраться до тепла. Вероника смотрела на их хмурые, сосредоточенные лица и чувствовала странную, почти ликующую разницу. Она была здесь не вопреки дождю, а вместе с ним. Она была частью этой стихии.

Ее красные сапоги ритмично шлепали по асфальту: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп. Звук казался ей самой лучшей музыкой. Внутри разливался восторг — чистый, детский, безудержный. Это была не просто прогулка — это было очищение. Вероника глубоко вдохнула влажный, пахнущий мокрым асфальтом и опавшей листвой воздух, и впервые за долгое время искренне, по-настоящему улыбнулась дождливому небу. Ей больше не нужно было сидеть взаперти. В этом дожде она была свободна.

Час пролетел незаметно, словно не было никакой городской суеты, а только ритмичный танец капель по куполу зонта. Вероника остановилась у края проезжей части на переходе. Она взглянула на свои красные сапоги — теперь они были покрыты мелким каплями брызг. Это были следы ее маленькой победы над самой собой.

Внутри царила тишина. Тяжелый ком в груди, который с самого утра был связан с именем Максима, его колкими словами просто испарился. Казалось, дождь вымыл не только пыль с улиц, но и саму память об этом утреннем осадке. Всё, что казалось неразрешимым, вдруг стало незначительным, почти призрачным.

— Странно, — прошептала она сама себе, и ее голос прозвучал удивительно спокойно.

Она развернулась в сторону дома. Походка стала легче, пружинистее. В голове начали возникать уютные картины будущего вечера: как она скинет мокрые вещи, как достанет из холодильника те самые спелые томаты для пасты, как наполнит квартиру ароматом свежемолотого кофе. Это было возвращение. Не просто в квартиру, а к самой себе — к той Веронике, которая умеет получать удовольствие от простых вещей, которая живет здесь и сейчас, а не в своих тревогах.

Она шла мимо припаркованных машин, прислушиваясь к тому, как приятно шуршат шины по мокрому асфальту на проезжей части рядом. Дождь стал тише, перейдя в мягкую, почти ласковую морось. Она улыбалась — искренне, открыто, чувствуя, как на щеках оседает влага. Жизнь снова стала понятной, осязаемой и вкусной.

В этот момент ее внимание привлек свет фар, мягко скользнувший по мокрым стенам домов. Мимо нее медленно проплывал темный внедорожник. Вероника привычно скосила взгляд, следя за движением транспорта.

Окна машины были опущены на пару сантиметров, и через стекло она увидела профиль водителя. Знакомый силуэт, черная косуха, внимательный взгляд. Это был сосед с третьего этажа.

Он смотрел на неё. В салоне блеснул свет приборной панели, парень, узнав соседку в ярком дождевике, на долю секунды замедлился. Он поднял руку в приветственном жесте — короткий, дружелюбный взмах ладонью, — и в его глазах, на секунду встретившихся с её взглядом, промелькнуло удивление, смешанное с искренней теплотой.

Еще утром Вероника хотела устроить скандал. В ее сознании он был олицетворением всего раздражающего: шума, беспорядка, эгоизма. Она вынашивала гневные фразы, готовилась к «серьезному разговору», чувствуя, как внутри закипает праведный гнев.

Но сейчас, глядя на его сосредоточенный профиль и внимательный взгляд, она вдруг почувствовала, как эта утренняя злость вызывает у нее... улыбку. Не насмешливую, а добродушную, мягкую. Как это могло казаться таким важным? Как она могла тратить свои нервы на этот пустяк, на эту выдуманную войну?

Вероника не раздумывала. Она машинально махнула в ответ, и ее улыбка стала еще шире, став настоящим, живым ответом на этот простой жест. Машина плавно набрала скорость и, обдав ее легким потоком влажного воздуха, растаяла в пелене дождя. Она осталась стоять на тротуаре, глядя вслед удаляющимся красным огням габаритов.

Она поняла: даже случайный взгляд соседа, который еще пару часов назад казался врагом, теперь ощущался как часть этого мира, к которому она только что вернулась. Мир перестал быть полем битвы. Он оказался просто живым. И она была его частью.

Девушка в красных сапогах

Дворники с монотонным, чуть раздражающим ритмом стребали потоки воды с лобового стекла. Илья привычным движением положил ладонь на руль, чувствуя, как внедорожник слегка вздрагивает при каждом попадании в глубокую лужу. Улица была узкой, а дневной дождь превратил ее в подобие полосы препятствий, поэтому он ехал медленно, вглядываясь в серую пелену.

В салоне было тепло, тихо играл едва уловимый рок — музыка помогала отвлечься от рутины. Илья любил эту машину, любил чувство уверенности, которое она давала, и, честно говоря, ему нравилась эта тихая рутина после бешеного ритма последних лет.

Он вернулся в дом, где родился и провел детство, чуть более полугода назад, когда осознал, что жить с родителями в их просторном загородном коттедже тридцатилетнему мужчине — все равно что носить детскую пижаму: вроде и удобно, но не по размеру. Поэтому он выбрал свою старую квартиру, ту, где прошло его детство. Квартира была «уставшей», как сказал бы любой другой, но Илья, будучи инженером-строителем, видел в ней только возможности. Три недели назад он окончательно закончил ремонт. Делал всё сам: от замены проводки до укладки плитки в ванной. Ему нравилось прикасаться к результатам своего труда, чувствовать плотность бетона и идеальность выровненных стен.

Когда он только заселился, то почти сразу столкнулся с соседкой со второго этажа. В памяти всплыл тот неловкий момент: он тогда только припарковался, загородив проезд, а она вышла из своего крошечного авто. Илья, человек прямой и привыкший к легкому общению на стройке и в компании друзей в спортзале, решил пошутить. Что-то вроде: «О, а это у вас машина или букашка на колесиках?»

Она тогда даже не улыбнулась. Посмотрела на него так, словно он был назойливой мухой. Илья мысленно хмыкнул — «мымра». В памяти запечатлелся образ: сжатые губы, светлые тусклые волосы, стянутые в узел на затылке, колющий взгляд темных глаз, строгая юбка до колен, блузка, застегнутая на все пуговицы, и жакет, который добавлял ей лет десять. «Типичная бухгалтерша, скучная и предсказуемая,» — подумал он тогда. С тех пор их встречи ограничивались холодными кивками, хотя Илья и не догадывался, что для нее он стал едва ли не врагом номер один. Он вообще не придавал значения этим соседским трениям, считая их чем-то вроде фонового шума.

Автомобиль плавно проехал мимо очередного скопления воды, подняв веер брызг. В свете фар, пробивающихся сквозь дождевую завесу, вдруг мелькнуло что-то яркое.

Илья прищурился. Прямо на тротуаре, в самом эпицентре непогоды, шла девушка. Но она не куталась в серый плащ, не пряталась от дождя, натянув капюшон на глаза. Она была одета в ярко-алый дождевик, а на ногах у нее красовались сапоги такого же вызывающе-красного цвета.

Она шла под огромным черным зонтом прямо по лужам, не пытаясь их обойти, и лицо ее... Илья невольно нажал на тормоз, замедляясь еще сильнее. Она улыбалась. Не просто вежливо или сдержанно, а по-настоящему, с каким-то детским восторгом, словно этот дождь был для нее лучшим подарком.

Он присмотрелся внимательнее и, узнав черты лица, на секунду даже забыл, как дышать. Это была она, его соседка. Та самая «бухгалтерша» в строгом жакете. Сейчас, в этом ярком, почти дерзком наряде, с мокрыми прядями волос, прилипшими к щекам, она выглядела совершенно иначе — живой, настоящей, какой-то поразительно красивой.

Илья невольно нажал на кнопку, опуская стекло. В салон ворвался влажный прохладный воздух. Он замедлился до минимума, почти поравнявшись с ней. Когда их взгляды встрети-

лись, он увидел в ее глазах отражение своих фар, а затем — удивление и самую искреннюю улыбку.

Он инстинктивно вскинул руку в приветствии, чувствуя, как внутри что-то щелкнуло. Никакого сарказма. Только чистое удивление. Она махнула ему в ответ, и этот жест, такой простой и неожиданный, показался ему чем-то вроде дружеского приветствия. Машина плавно двинулась дальше, но Илья еще долго смотрел в зеркало заднего вида на удаляющееся красное пятно куртки. Сердце почему-то стучало чуть чаще обычного. «Мымра», — пронеслось в голове, но теперь это определение казалось донельзя нелепым, словно он пытался описать океан словами «стакан воды». Ему стало чертовски интересно: что еще он не знал об этой девушке?

Илья

Вечер в пустой квартире был непривычно тихим. Илья стоял посреди гостиной, опираясь плечом о дверной косяк, и обводил взглядом комнату. Каждая плитка, каждый уложенный кабель, каждый квадратный сантиметр идеально выровненной стены — всё это было результатом его личного, упорного труда.

После семи лет бесконечных командировок, где жизнь была упакована в одну дорожную сумку, а домом становились то строительные вагончики в далеком Казахстане, то казенные общежития в пыльных промышленных зонах чужих стран, он наконец-то почувствовал вкус стабильности. Он вернулся не просто в город, а в то единственное пространство, которое мог назвать своим с самого детства. Жизнь у родителей в загородном коттедже, с их безупречными газонами и выверенным уютом, тяготила. Ему, привыкшему к ритмустроек и постоянной смене декораций, там было скучно. Там он чувствовал себя лишним, как если бы его здоровенный внедорожник пытался припарковаться в узком проеме для велосипеда.

Илья подошел к зеркалу в прихожей и критически осмотрел свое отражение. На него смотрел высокий, широкоплечий парень с тяжелым взглядом человека, который привык принимать решения быстро и без лишних слов. Его тело, закаленное годами физических нагрузок и регулярными походами в тренажерный зал, было поджарым и крепким — годы на объектах не прошли даром. Он не был атлетом с глянцевых обложек, но в его осанке, в том, как уверенно он держал руки, чувствовалась мощь, которую не спрячешь ни под какой одеждой.

Его называли человеком с «золотыми руками», и он этим гордился. Для него работа не заканчивалась вместе с выходом с объекта. Сделать что-то своими руками, исправить, наладить, привести хаос в порядок — это было его способом медитации. Когда он переехал в эту квартиру, она напоминала руины. Но он не нанимал бригад. Ему доставляло почти сакральное удовольствие самому штробить стены под проводку, чувствовать, как неподатливый материал поддается его воле.

На фоне негромко играл heavy metal. Музыка, тяжелая и ритмичная, помогала сбросить напряжение дня. Илья никогда не стремился к утонченным хобби; его отдых — это спортзал, где можно выплеснуть накопленную за день энергию, или поход в горы, где мобильная связь пропадает, а единственным собеседником остается дикая природа.

Характер у него был прямой, местами даже резкий. Он не любил пустых разговоров и полутонов, предпочитая честность, какой бы она ни была. Возможно, именно эта прямолинейность когда-то заставила его неудачно пошутить над соседкой, даже не подумав, как это может прозвучать.

Он отошел от зеркала, бросил взгляд на стоящий в углу походный рюкзак и глубоко вздохнул. В этой квартире он впервые за долгое время почувствовал себя на своем месте. Здесь всё было сделано по его правилам, для него и под него. И всё же, вспоминая сегодняшнюю встречу, красный цвет куртки и странный, неожиданный отблеск в глазах девушки, он не мог отделаться от мысли, что иногда, даже в идеально выстроенную систему, хочется впустить немного беспорядка. Впервые за полгода он поймал себя на том, что думает не о том, какую розетку нужно доделать в коридоре, а о том, почему он так упорно игнорировал ту, что жила этажом ниже.

Илья прошел на кухню, налил воды в стакан и прислонился к столешнице. Мысли о соседке снизу не отпускали, превращаясь из случайного любопытства в странное, ноющее чувство. Вероника. Имя звучало в голове как отголосок чего-то давно забытого, почти детского.

Он закрыл глаза, пытаясь вызвать в памяти тот самый образ. Наталья Ивановна. В его памяти она всегда была центром этого подъезда: добрая, улыбчивая женщина, которая знала

всех по именам и чьи пироги с капустой, казалось, пахли на весь лестничный пролет. Она была той константой, на которой держалось ощущение дома. А теперь — пустота. Другой человек.

«Десять лет», — подумал Илья, и цифра показалась ему почти чудовищной.

Он осознал, что уехал из этого дома парнем, который почти закончил институт и искал свой путь, а вернулся мужчиной, чье лицо уже прочертили первые морщины, а руки стали грубыми от инструмента. За это время сменилась целая эпоха, не в масштабах страны, а в масштабах его личного мира. Люди, которые казались незыблемыми, как скалы, уходили, растворялись в небытие, оставляя после себя лишь пыльные рамки с фотографиями и квартиры, которые новые жильцы перекрашивают в свои цвета.

Это было самое странное в возвращении. Город остался прежним: те же тополя во дворе, те же покосившиеся бордюры, тот же скрип лифта. Но внутри этого неизменного скелета всё уже было другим. Словно ты вернулся в декорации, где актеры сменились, а сценарий переписали, пока ты был в командировке. Старое поколение уходило, тихо и незаметно, уступая место новым — тем, кто когда-то прятался за спинами бабушек, а теперь сам открывал двери и начинал свою собственную жизнь.

Вероника. Он вспомнил те косички, которые вечно выбивались из разноцветных ярких резинок, и то, как она, смущенная его взрослым вниманием, едва слышно бормотала «Здравствуйте», опуская взгляд. Ей было тогда лет двенадцать, не больше. Теперь же, судя по тому, как уверенно она смотрела на него сегодня в этой своей красной куртке, перед ним стояла совершенно другая личность — самостоятельная, выросшая, живущая в своей собственной, закрытой от других системе координат.

«Время не просто летит, — рассуждал Илья, глядя на свое отражение в темном окне. — Оно вымывает почву из-под ног, заставляя тебя самого становиться тем, кого когда-то ты считал „взрослым“».

Его родители говорили об этом так буднично, как будто речь шла о смене погоды: «Наталья Ивановна скончалась, а Веронике, внучке, квартиру оставила, она теперь там обустраивается. Помнишь Веронику?».

Для него это было крушением целого пласта воспоминаний. Как будто та квартира, этажом ниже, навсегда утратила ту теплоту, которую излучала ее прежняя хозяйка.

Илья выпил воду, поставил стакан на стол. Его квартира была идеальна, выверена до миллиметра, но в этот момент он отчетливо почувствовал, насколько она одинока. Он так долго стремился к этому «своему» пространству, к этой крепости, что не заметил, как за высокими стенами этого личного комфорта жизнь прошла мимо, сменив декорации и людей.

Он снова вспомнил взгляд Вероники — прямой, изучающий, без тени той детской робости. Возможно, именно это его и зацепило. В мире, где всё стало предсказуемым и выверенным, где всё можно отремонтировать или заменить, эта девушка оказалась «неизвестной переменной». И вместо того чтобы просто продолжить вечер с heavy metal, он поймал себя на том, что прислушивается к тишине, доносящейся снизу. Где-то там, этажом ниже, продолжалась уже другая жизнь, и, кажется, он был совсем не против стать ее свидетелем.

Тихий вечер

Сентябрь перевалил за середину, и город внезапно изменился. Еще неделю назад солнце припекало по-летнему, выманивая из домов, а сегодня с раннего утра небо затянуло плотной свинцовой пеленой. Дождь, который поливал асфальт с самого утра, к семи вечера выдохся, превратившись в унылую серую морось. Сумерки опустились на город рано, принеся с собой запах сырости и опавших листьев.

Вероника поежилась, кутаясь в объемный вязаный кардиган. Она ненавидела такие дни. В квартиру, которая еще недавно дышала летним зноем, теперь медленно просачивалась липкая, промозглая сырость. Стены медленно остывали, отдавая последние крупинцы тепла, а отопление, по всем законам бюрократии, включают только в октябре. До этого момента — еще целая вечность, месяц борьбы с холодом с помощью шерстяных носков и горячего чая.

Она сидела на диване в гостиной, подогнув под себя ноги. На низком журнальном столике дымилась чашка с мятным чаем, а на коленях, как единственный источник света в полумраке комнаты, лежал открытый ноутбук. Вероника скроллила список фильмов, ища что-то, что могло бы отвлечь от этого серого безмолвия за окном. Хотелось чего-то доброго, согревающего, переносящего в другой, более уютный мир.

Ее взгляд зацепился за знакомое название в закладках. «Чужестранка»³.

Она вспомнила, как когда-то, кажется, целую вечность назад, начала смотреть первый сезон. Тогда, на заре его выхода, история казалась интригующей, но как-то не сложилось досмотреть. Сейчас же, пробежавшись глазами по списку серий, она с удивлением обнаружила, что снято уже восемь полных сезонов.

— Ну, попробуем еще раз, — прошептала она сама себе, запуская первую серию.

Вероника устроилась на диване с чашкой остывающего чая. На экране — туманные холмы, вересковые пустоши, серая вода, обнимающая скалы.

Первая серия «Чужестранки» шла ровно, как дождь за окном: красиво, но почти безлико. Она ловила себя на том, что смотрит скорее на фактуру — на мокрые камни, на свет, пробивающийся сквозь облака, — чем на сюжет. Шотландия дышала с экрана сыростью и древностью, но пока не трогала её по-настоящему.

Главная героиня — Клэр, военная медсестра, казалась слишком правильной, слишком рассудительной. Вероника зевнула, потянулась и уже хотела выключить, когда в кадре мелькнул *menhir*⁴ — стоячий камень, одинокий, мшистый, будто сошедший со страниц волшебных сказок.

Она не заметила, как дотянулась до регулятора громкости и придвинулась ближе. Шотландия начинала проступать сквозь экран — не картинкой, а настроением: низкое небо, ветер, слышимый, кажется, даже в тишине комнаты, и эта странная, тягучая музыка, от которой внутри что-то сжималось. Когда Клэр коснулась камня, Вероника почувствовала, как у неё самой мурашки побежали по рукам. А потом — вспышка, темнота, и она выдохнула, будто это её саму протащило сквозь время.

Вторая серия включилась сама собой. С первых минут всё стало другим: шотландская природа больше не была декорацией, она стала персонажем. Холмы дышали, реки говорили, а

³ Сериал «Чужестранка» рассказывает историю Клэр Рэндалл, военной медсестры из 40-х годов XX века, которая во время прогулки у легендарных шотландских каменных кругов загадочно перемещается во времени в 1743-й год. Попадая в XVIII век, Клэр оказывается в неизвестном мире, где ее жизни угрожает опасность.

⁴ *Менгир, мейнхир* (брет. *таен-һир* от *таен* «камень» + *һир* «длинный») — простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного камня или каменной глыбы, у которых вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные

мужчины в килтах — грубые, пахнущие дымом и мокрой шерстью даже через экран — казались живыми, тёплыми, настоящими.

Вероника поймала себя на том, что придвинулась к самому краю дивана, сжав руки на коленях, будто пытаясь удержаться в этом мире. Запахло вереском, сырой землёй, старой кожей — или ей только казалось? Она перестала следить за временем, за собой, за своим дыханием. Джейми Фрейзер⁵ появился на экране — и что-то в её груди ёкнуло. Не как у героини мелодрамы, а как у той самой Вероники, что недавно шагнула в ледяную лужу: с вызовом, с предвкушением, с готовностью быть захваченной.

К концу второй серии Вероника поймала себя на том, что её ладони влажные, а щёки горят. Она поняла: это не просто сериал. Это как тот прыжок в воду — неизвестно, что там в глубине, но уже невозможно не нырнуть. Она выключила ноутбук только когда на экране пошли титры — и долго сидела в темноте, глядя в окно, где за стеклом шумел дождь. Где-то там, в её собственной жизни, тоже должен был быть свой стоячий камень.

Вероника еще некоторое время сидела и смотрела в погасший экран. Клэр, главная героиня, теперь показалась ей невероятно близкой в своем поиске места в чужом времени.

В полумраке комнаты, под шум дождя за окном, образ Джейми Фрейзера — сильный, сдержанный, с тем самым глубоким и немного настороженным взглядом — вдруг наложился на другой. На тот, что сегодня днем встретился ей на лестничной клетке.

Ее сосед.

Мысли Вероники упорно улетали вверх, к соседу из квартиры над ней. У Джейми был этот же странный, въедливый, почти тяжелый взгляд человека, который слишком многое видел и слишком долго был один. И эта манера двигаться — экономно, без лишней суеты, как у зверя, привыкшего к опасности.

Ей вдруг вспомнился сегодняшний взгляд из салона автомобиля: прямой, лишенный привычных светских уловок, он казался тяжелым и проникающим в самую глубину. «Сосед сверху» смотрел на нее не как на случайную прохожую, а как на загадку, которую ему нестерпимо хотелось разгадать; в его глазах читалось внезапное осознание того, что за её внешним спокойствием скрывается нечто большее, совсем не то, к чему он привык. Он казался таким же «чужестранцем» в своем собственном доме, как и герой сериала из Шотландии восемнадцатого века. Тот же налет отчужденности, та же скрытая внутри глубина, которую не сразу разглядишь за внешним спокойствием.

— Глупости, — одернула себя Вероника, чувствуя, как к щекам приливает легкий жар.

Она решила посмотреть еще одну серию, откинулась на спинку дивана, стараясь сосредоточиться на сюжете, но персонажи на экране казались лишь фоном. Она ловила себя на том, что сравнивает. Вот сейчас Джейми делает шаг — и Вероника представляет, как ее новоявленный сосед точно так же заходит в свою квартиру, закрывает за собой дверь и, наверняка, точно так же, как она сейчас, остается один на один с этой давящей тишиной старого дома.

Первый сезон поглотил ее, но в голове крутилась лишь одна мысль: интересно, а какой он, этот «сосед сверху»? Какой он, когда не держит в руках пакет с продуктами или ключи, а просто... живет?

Вероника сделала еще глоток остывшего чая, глядя в экран, где разворачивались события двухсотлетней давности, но внутри у нее теплилось странное, почти осязаемое предвкушение того, что, возможно, ее собственная, вполне современная история, только начинается. И в этой истории не будет войн или путешествий во времени — только старая лестница, скрип половиц

⁵ Джейми Фрейзер — один из ключевых персонажей сериала «Чужестранка», исполнитель роли — Сэм Хьюэн — истинный шотландский красавец, завоевавший любовь публики и признание коллег по актерскому цеху после этой роли в фантастической мелодраме.

и невысказанное любопытство, которое сегодня, в этот серый дождливый вечер, стало чуть острее.

Сон

Воскресенье просачивалось в комнату медленным, золотистым медом, но Вероника зажмурилась, отчаянно пытаясь удержать ускользящее видение. Еще мгновение назад она бродила по гулким, залитым мягким светом залам Лаллиброха, но теперь главным в этом сне было не само место, а чувство — то забытое, почти осязаемое тепло чужих рук, бережно касавшихся ее лица. Она все еще помнила вкус этого сна: острое, почти болезненное осознание того, что ее любят, что она — центр чьей-то вселенной.

На губах до сих пор дрожало эхо поцелуя — нежного, требовательного и бесконечно глубокого, в котором тонули все страхи и тревоги. Это было не просто воспоминание, а физическая память тела, жаждущего повторения. Она судорожно вздохнула, пытаясь продлить остатки этой сладостной неги, но реальность была безжалостна. За порогом сна ее ждала до обидного обыденная жизнь: промозглая серая осень, одинокий кофе в тишине пустой кухни и монотонный, холодный гул машин под окном, который казался насмешкой над тем теплом, что она только что потеряла.

Вероника все еще чувствовала под пальцами неровную, холодную кладку гранитных блоков, из которых была сложена стена. В этом замке, где-то на высокогорье далекой незнакомой Шотландии в восемнадцатом веке, время словно застыло, пропитанное торфяным дымом и сыростью гор. Она помнила, как в огромном, гулком зале камин полыхал, словно раненое сердце — языки пламени жадно облизывали поленья, высекая искры, которые тут же гасли в тяжелом, неподвижном воздухе. Тепло едва доходило до середины комнаты, оставляя углы погруженными в бархатную, почти осязаемую темноту.

На полу, поверх грубых каменных плит, были брошены тяжелые шкуры медведей и оленей. Густой ворс был прохладным на ощупь, пахнувшим диким зверем, сухой травой и бесконечными морсящими дождями. Вероника помнила, как проваливалась в них, словно в перину, когда садилась ближе к очагу, пытаясь отогреть озябшие пальцы.

И лица. Вокруг, в полумраке, словно из ниоткуда проступали тени — суровые лица хозяев замка. Старые клановые лорды с въевшейся в кожу пылью веков. Их глаза — холодные, внимательные, как у хищных птиц — следили за каждым ее движением с портретов, затянутых паутиной, и из темноты ниш. В их чертах не было места нежности: только долг, честь и готовность защищать свои земли до последнего вздоха. Они казались живым укором любому, кто осмеливался нарушить тишину их владений.

В этом сне все было до боли настоящим. Она словно сбежала из собственной жизни прямо на страницы исторического романа. Она помнила, как тяжелая шерсть пледа царапала плечи, как гул мрачных замковых коридоров отзывался в груди.

Но самым ярким, самым ослепительным был он.

В сновидении он не носил килт, как герои сериала «Чужестранка», но в его осанке, в том, как он опирался на перила каменной лестницы, было нечто такое же древнее и властное. Всю ночь ей снился ее сосед из квартиры этажом выше. Тот самый суровый незнакомец, которого она до вчерашнего дня считала своим врагом. До того момента, когда они обменялись взглядами в серой дымке осеннего дождя и улыбнулись друг другу.

И вот сегодня в ее сне он смотрел на нее иначе. Огонь в камине почти погас, но в его глазах Вероника видела свое отражение — четкое, сфокусированное, словно она была центром его мира. В этом темном, маслянистом блеске читалось желание, от которого по телу разливался жар: он смотрел не просто на нее, он словно уже владел ею, без слов, без прикосновений, просто позволяя ей утонуть в этом вязком, невыносимо откровенном предвкушении.

Вероника перевернулась на другой бок, зарываясь лицом в подушку, пытаясь удержать ускользящий образ. Она отчетливо помнила его шаги по гулким плитам — тяжелые, уверен-

ные, приближающиеся. Она помнила, как он остановился совсем рядом, и воздух вокруг них словно стал плотным, наэлектризованным. Он не говорил ни слова, но его присутствие говорило громче любых признаний.

А потом был поцелуй.

От этого воспоминания Вероника даже сквозь сон почувствовала, как по телу пробежала горячая волна. Это не было похоже на обычные, киношные поцелуи. Он был глубоким, требовательным, пахнувшим грозой и дымом камина. Она ощущала его губы — сухие, горячие, требовательные — так ясно, будто это происходило секунду назад. Казалось, он целовал ее так, словно они оба знали: времени нет, за углом их ждет либо вечность, либо разлука, и нужно успеть забрать свое.

Вероника сжала губы, пытаясь сохранить этот фантомный отпечаток. Сердце в груди билось часто, глухо, как будто она действительно пробежала по тем коридорам замка, спасаясь от чего-то или, наоборот, стремясь навстречу самой важной встрече в своей жизни.

Она медленно приоткрыла глаза. Комната залита утренним светом, знакомые обои, на столе в гостиной ее ноутбук и пустая чашка. Никаких замков. Никакой Шотландии. Только тишина воскресного утра.

Вероника провела кончиками пальцев по своим губам. Они были сухими, но внутри, в глубине души, еще пульсировало странное, почти болезненное ощущение тепла. Она знала, что через час этот сон превратится в обрывки образов, которые она попытается запомнить. Но сейчас, в эту минуту, она не хотела двигаться. Она хотела еще немного побыть там, в замке, где сосед из квартиры номер 42 смотрел на нее так, будто она была единственным, что имело значение в этом мире.

Вероника закрыла глаза снова. «Ну же, — подумала она, проваливаясь обратно в полудрему, — вернись. Просто еще на минутку».

Реальность

Сон не возвращался. Он исчез, растворился, оставив лишь призрачное послевкусие, как пыльца, оседающая на коже после прогулки по цветущему саду. Вероника открыла глаза, и реальность обрушилась на неё привычной тишиной квартиры. Лежать под одеялом было неописуемо сладко — тепло окутывало тело, защищая от прохладного, уже по-осеннему влажного воздуха, который просачивался в спальню сквозь щели в старых рамах.

Одно радовало — небо за окном наконец начало светлеть. Серая пелена облаков, висевшая над городом вчера, дрогнула, и сквозь прорехи пробивались робкие лучи солнца. Но даже этот свет казался холодным. Сентябрь уже начал диктовать свои правила: дыхание осени чувствовалось в самой структуре воздуха — сырого, пахнущего прелой листвой и близостью первых заморозков.

Вероника с неохотой откинула край одеяла. Ноги тут же нашли спасительную мягкость тапочек, а плечи привычно укутал уютный, уже немного заношенный халат. В квартире царило то особенное состояние, которое бывает только в поздние, ленивые утра: время словно застыло, растянувшись в тягучий кисель.

Она побрела на кухню, где в полумраке казалось, что день так и не наступил до конца. Электронные часы на микроволновке упрямо светились цифрами «10:32».

Вероника подошла к полке, где в ряд выстроились специи и кофейные банки. Её пальцы коснулись прохладного стекла. Крышка поддавалась с тихим, привычным щелчком, освобождая запертый внутри аромат.

Это был густой, обволакивающий запах — смесь жженого сахара, темного шоколада и горечи молотых зерен. Вероника замерла, закрыв глаза. На секунду ей показалось, что она снова там, в замке, в отсветах огня, и этот кофейный аромат смешивается с запахом остывающего пепла в камине. Воспоминание сна было ярким, почти осязаемым, но с каждой секундой оно тускнело, как акварельный рисунок под дождем.

Она медленно, словно совершая священный ритуал, взяла серебристую мерную ложку. С тихим шорохом, похожим на шепот, молотый кофе посыпался в турку, образуя темную горку на дне. Вероника встряхнула сосуд, разравнивая порошок. Затем открыла кран, и тонкая струя ледяной воды заполнила турку, заставляя кофе взметнуться вверх и медленно опуститься, пропитываясь влагой.

Она поставила турку на конфорку и щелкнула зажигалкой. Синий, пляшущий язычок пламени лизнул медь.

Девушка оперлась бедром о столешницу и сложила руки на груди. Теперь оставалось только ждать. Она смотрела на свои пальцы, которые слегка подрагивали — отголосок ночного напряжения никак не хотел отпускать. Мир вокруг казался замедленным: тихий шум конфорки, мерное постукивание редких капель воды за окном, шорох собственного дыхания.

В этом ожидании кофе было что-то магическое. Она возвращалась в действительность медленно, по кусочкам собирая себя: вот холод плитки под ногами, вот шероховатость халата, вот тяжесть в висках от долгого сна. Сон был лишь сном, но тепло, оставшееся от него в груди, почему-то не спешило уходить. Турка начала тихо «ворчать», подавая первые признаки того, что напиток скоро будет готов. Вероника внимательно следила за тем, как поднимается пенка, удерживая баланс между реальностью и тем, что она видела всего час назад.

Так вот кто ты такой!

Пенка, густая и плотная, осела в турке темным кремом. Вероника осторожно, стараясь не нарушить нежную структуру, перелила кофе в любимую керамическую чашку. Она была тяжелой, с шершавыми боками, которые приятно согревали озябшие ладони.

Вероника не стала садиться за кухонный стол. В груди еще теплилось беспокойное эхосна, не давая усидеть на месте. Она сделала медленный глоток — горький, обжигающий напиток прогнал остатки ночного оцепенения. Аромат был пронзительным, свежим, чистым. Она прикрыла глаза, вдыхая пар, который, казалось, состоял из надежд на этот странный, серый день.

Она прошла в комнату и остановилась у окна. Стекло было прохладным, но за ним открывался двор — тихий, почти безлюдный, погруженный в меланхоличное забытие. Дождь, прошедший накануне, оставил после себя глубокие, зеркальные лужи. В них, словно в застывших чашах, плавали одинокие пожелтевшие листья — кленовые ладони, которые когда-то были золотыми, а теперь потемнели и размякли.

Вероника застыла у холодного стекла, сделала еще один маленький глоток. Горячий кофе приятно контрастировал с прохладой окна.

Тишину двора нарушил звук мотора. Во двор медленно и неторопливо, въехал автомобиль. Он двигался осторожно, словно опасаясь разбрызгать воду из луж, и припарковался прямо напротив её подъезда.

Вероника отстраненно наблюдала за этим привычным движением, пока не услышала скрип двери подъезда внизу. На дорожке показался сосед. Он был одет в светло-серый спортивный костюм, который делал его фигуру слишком яркой на фоне мокрого асфальта. Он шагал уверенно, бодро, потирая руки.

Из машины тем временем выбрались двое: пожилой мужчина в темной куртке и женщина в светлом, каком-то слишком нарядном, совсем не по мрачной осенней погоде, пальто. Сосед сделал несколько широких шагов навстречу, и Вероника увидела, как он с теплотой, по-сыновьи, обнял женщину, а затем крепко пожал руку мужчине.

В этот момент что-то внутри Вероники дрогнуло. Этот жест — легкий наклон головы соседа, манера улыбаться...

Память, словно по заказу, открыла нужную папку. Она снова увидела ту дождливую, свинцовую дату. Похороны бабушки. Лица в толпе, черные зонты, тяжелый запах лилий. Она помнила, как тогда, у кладбищенских ворот, к ней подошла пожилая пара. Они держали её за руки, говорили тихие, правильные слова, от которых у Вероники тогда всё внутри сжималось от тоски. Тетя Нина и дядя Андрей. Соседи сверху, которые уехали из дома задолго до того, как Вероника окончательно перебралась сюда.

Она сжала чашку обеими руками. Тетя Нина и дядя Андрей.

Как она могла не замечать этого раньше? Она смотрела на парня внизу, который смеялся над чем-то, сказанным отцом, и все в её голове сложилось с пугающей четкостью. Илья. Теперь, когда она знала, кто эти люди, она увидела всё: те же широкие скулы, доставшиеся ему от матери, и тот же тяжелый, но прямой взгляд отца. Даже то, как он сейчас поправлял капюшон серой байки, было жестом дяди Андрея — суетливым, но привычным.

Осознание нахлынуло волной, вытесняя утреннюю негу. Он был не просто «соседом», случайным прохожим на лестничной клетке. Он был частью того мира, который, как ей казалось, давно стал прошлым. Вероника стояла у окна, чувствуя, как кофе в чашке остывает, и смотрела на Илью, который сейчас, смеясь, открывал багажник машины, совершенно не подозревая, что прямо над ним, за стеклом, кто-то узнает его заново.

Прошлые жизни

Илья распахнул багажник. Из глубины машины на него смотрели его «прошлые жизни»: рыжий чехол от спиннинга, помятый край старой демисезонной куртки, торчащий из-под свернутых одеял, и та самая злополучная коробка с «приданным», которую мама набила полотенцами и пододеяльниками так плотно, что картон выгнулся дугой.

— У нас и так места нет, Илюш, сам понимаешь, — в который раз повторила мать, нервно поправляя шарф. Она суетилась, перекладывая пакеты с места на место, словно хотела поскорее избавиться от этих вещественных доказательств того, что сын навсегда покидает родительское гнездо.

Илья подхватил первую коробку. Дно опасно просело, бечевка впилась в пальцы, но он даже не поморщился. Посмотрев на мокрый асфальт, он не решился опустить туда груз. Даже сейчас, когда процесс уже стал необратимым, он не мог позволить вещам соприкоснуться с этой грязью.

Он сделал несколько шагов к подъезду, балансируя на узкой полоске сухого асфальта. И вдруг, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, порыву, который пронзил его внезапным электрическим разрядом, он остановился. Поднял глаза.

Второе окно. Второй этаж.

Там, за стеклом, в полумраке комнаты, силуэт Вероники казался почти нереальным. Она стояла неподвижно, прижав к губам чашку — должно быть, с чем-то горячим, потому что от края поднимался тонкий, почти невидимый пар. Она смотрела прямо на него. Не пряталась, не отводила взгляд, как делала обычно, когда они сталкивались на парковке или на лестнице.

Их взгляды встретились. В эту секунду весь мир вокруг — ворчание отца, который что-то искал в бардачке, холодный ветер, тяжесть ненавистных коробок — изменился. Илья почувствовал, как напряжение, сковывавшее его плечи весь последний час, внезапно отступило.

Он не мог поднять руку — коробка требовала полного внимания, — поэтому он просто широко улыбнулся. Искренне, почти по-мальчишески, и коротко кивнул, словно здороваясь с другом, которого не видел целую вечность.

Вероника вздрогнула. Она резко отпрянула от окна, и занавеска, качнувшись, скрыла её лицо, оставив лишь пустоту темного проема.

Илья рассмеялся. Это вышло спонтанно, громко, звонко — звук отразился от кирпичных стен дома, прорезая унылую тишину двора.

— Что случилось? — мама обернулась, недоуменно глядя на сына. Она прищурилась, пытаясь понять, что могло вызвать такое веселье в этот совсем невеселый момент. — Ты чего там... смеешься?

Илья перевел взгляд на мать, потом снова посмотрел на пустое окно второго этажа. Сердце в груди билось ровно и уверенно, словно он только что выиграл какой-то важный, пусть и невидимый для всех остальных, спор.

— Ничего, мам, — ответил он, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Просто представил, как мы всё это в комнату занесем, и моя квартира превратится в склад ненужных вещей.

Замечательный сосед

Вероника сидела на кухне, уставившись в пустую чашку, что все еще держала в руках. Керамика была чуть теплой, но это тепло никак не могло пробиться сквозь странное, щемящее чувство внутри.

Она нервно усмехнулась, глядя на свои пальцы, которыми всё ещё сжимала чашку. Вот дура. Просто взяла и метнулась, как нашкодившая девчонка, прячущаяся от строгого родителя. Что он о ней подумал? Наверное, что она либо не в себе, либо у неё серьезные проблемы с восприятием реальности.

Смех, который она невольно издала, вышел каким-то сдавленным. Ей было стыдно за эту нелепую реакцию, но в то же время ситуация казалась комичной. Этот побег от окна, этот стремительный рывок за занавеску... Как в дешевом сериале, право слово.

Вероника перевела взгляд на старый кухонный гарнитур, где на дверце красовалась потертость, оставшаяся еще с тех времен, когда здесь жила ее бабушка. Память, подталкиваемая сном, который преследовал её всю ночь, услужливо подбрасывала картинки.

Илья... Как же давно это было. В её детских глазах пятилетняя разница казалась пропастью, непреодолимой границей между мирами. Он тогда был для неё почти легендой: высокий, вечно занятый какими-то чертежами, с наушниками на шее и вечно отсутствующим взглядом. Для Вероники, которая гоняла на велосипеде с соседскими девчонками, он был из разряда взрослых, которые существуют где-то на орбите — заметные, но недостижимые. А потом он просто исчез, растворился в суете взрослой жизни, как только получил диплом.

Она ведь правда думала, что квартиру купил совершенно чужой человек. Сначала, когда появились первые признаки ремонта, она злилась. Грохот, пыль в подъезде, навязчивые запахи краски и растворителя — всё это выводило из себя. Она восприняла появление нового соседа как вторжение врага, пришельца, который нарушил её привычный ритм. А теперь, когда всё прояснилось, эта неприязнь, казавшаяся такой обоснованной и даже принципиальной, вдруг испарилась, как утренний туман.

Странное дело: человек тот же самый, а картинка в голове изменилась. Раньше — шумный чужак, раздражающий своим присутствием. Теперь — сосед. Илья. Тот самый мальчишка, который когда-то проходил мимо, не замечая её, девчонку с двумя косичками.

Вероника поставила чашку в мойку. Она вдруг поймала себя на мысли, что образ «чужака» сменился образом «своего». И эта трансформация принесла удивительное спокойствие.

В голове промелькнула совершенно бытовая, приземленная мысль, от которой на душе стало ещё легче. Вот потечет кран — старые трубы в этом доме имели привычку бунтовать. Или замок, этот вечно заедающий замок на двери, решит заклинить в самый неподходящий момент. Раньше она бы паниковала, звонила отцу, искала номера мастеров, переплачивала первым попавшимся «специалистам» по объявлению. А теперь...

Теперь она знала, что в соседней квартире есть человек. Не просто абстрактный «кто-то», а Илья. И эта мысль — что в доме появился мужчина, к которому можно обратиться, не испытывая неловкости, — показалась Веронике самой надежной вещью за последние несколько лет.

Она снова посмотрела на окно. Занавеска висела неподвижно. На улице было тихо, только где-то вдалеке гудел мотор уезжающей машины. Она всё-таки зря убежала. Надо было хотя бы кивнуть в ответ. Ну ничего, подумала Вероника, поправляя выбившуюся прядь волос, они ведь теперь соседи. А значит, поводов для встречи будет достаточно. И в следующий раз она точно не будет прятаться.

С новосельем!

Вероника стояла посреди своей кухни, прислонившись плечом к облупившейся дверце шкафчика, которая предательски скрипнула. В потолке гулко ухало: что-то двигали, что-то роняли, что-то шуршало. Судя по звукам, над её головой происходила целая логистическая операция.

Она взглянула на свои стены — выцветшие обои с невнятным узором, местами отклеивающиеся, как старая кожа, и на столешницу, изрезанную ножом так глубоко, что там поселились вечные крошки. Ремонт здесь требовался такой же срочный, как пересадка сердца, но денег хватало только на пластыри.

Вероника прислушалась. Грохот сверху стал ритмичнее. «Распаковывается», — подумала она. Илья. Сосед с третьего этажа. Они сталкивались несколько раз в подъезде — он всегда был в безупречной черной куртке, с наушниками, взгляд устремлен куда-то сквозь пространство. А теперь его пространство, похоже, наполнялось вещами.

Любопытство, острое и неприятное, как заноза, кольнуло под ребрами. Ей вдруг до зуда захотелось узнать, как выглядит его быт. Вдруг у него там — дизайнерские решения, которые она могла бы подсмотреть? Или, наоборот, такой же хаос, как у нее, только скрытый за фасадами из закаленного стекла?

В голове, словно из ниоткуда, всплыли строчки, которые крутила по радио бабушка, когда Вероника была совсем маленькой:

*«Как теперь не веселиться, не грустить от разных бед,
в нашем доме поселился замечательный сосед...»⁶*

Она прыснула. «Замечательный сосед». Илья был скорее «недосягаемым соседом».

Взгляд упал на подоконник. Там, в горшке из матовой керамики цвета мокрого асфальта, сидел маленький, жизнерадостный суккулент. Вероника долго выбирала этот горшок, считая его самым стильным предметом в своей квартире.

— Повод, — прошептала она. — Нужен повод.

А что, если повод — это просто вежливость? Можно зайти и спросить: «Простите, но я слишком устала от шума» или «У вас там ничего не протекает? А то я тут живу снизу и беспокоюсь». Глупо. Но другого варианта не было.

Она осторожно сняла горшок с подоконника. Поверхность керамики была приятной на ощупь, прохладной. Вероника поправила волосы, натянула любимые джинсы, накинула легкий кардиган поверх домашней футболки — не в пижаме же идти к загадочному минималисту — и подошла к двери.

Сердце предательски подпрыгнуло, когда она коснулась ручки.

— Ну, — сказала она сама себе, — если откроет — значит, судьба. А если пошлет... ну, значит, будет мне повод не грустить от бед, а просто сходить в магазин за тортиком.

Она вышла в подъезд. Лифт, как назло, не работал, поэтому она решительно зашагала по бетонным ступеням вверх. С каждым шагом песня в голове становилась всё навязчивее, и к моменту, когда она оказалась перед дверью Ильи, она уже едва сдерживала улыбку.

Она подняла руку, чтобы постучать, но замерла. За дверью было тихо. Только что-то глухо стукнуло, и раздался голос — неразборчивый, но какой-то... домашний?

⁶ Песня «Замечательный сосед» Эдиты Пьехи, вышедшая в 1964 году, представляет собой жизнерадостный и юмористический рассказ о жизни в многоэтажном доме, где поселился музыкант. Автор текста песни и музыки Б. Потемкин

Вероника глубоко вздохнула, покрепче перехватила горшок и постучала. Три коротких, уверенных удара.

«Ну, привет, замечательный сосед», — подумала она.

Приданое

Илья стоял посреди комнаты, глядя на груды вещей, оставленных родителями. Воспоминание о том, как они торопливо уезжали, настойчиво возвращалось: мама, оправдывающаяся необходимостью заехать на рынок за продуктами, отец, уже поглядывающий на часы, их отказ от чая. «Как-нибудь в другой раз», — пообещала мама.

Теперь перед ним громоздились коробки и тюки — чужеродные объекты в его выверенном, стерильном пространстве. Он мог бы просто выставить всё это за дверь, в подъезд, или сразу отнести на помойку, разом избавившись от навязчивого «приданого». Но что-то внутри — возможно, те самые гены бережливости, которые он так усердно пытался вытравить из себя вместе с интерьером в стиле хай-тек, — заставило его остановиться.

«Надо разобрать, — решил он, чувствуя, как внутри ворочается раздражение. — Разберу, отсортирую, чтобы эти вещи не захламляли моё жилище. Чистка пространства — это гигиена ума».

Илья глубоко вздохнул и решительно вскрыл первую коробку. Внутри лежало «приданое»: идеально белый пододеяльник, две наволочки и простыня. Ткань была плотной, качественной, но... белой. Илья не жаловал белый цвет в постельном белье: у него был комплект цвета «глубокий графит», суперсовременный, подходящий к его новомодным стенам. Белый же казался слишком больничным, слишком домашним в старомодном понимании.

Тем не менее, коснувшись прохладной ткани, он почувствовал странное удовлетворение.

— Пригодится, — пробормотал он себе под нос, словно оправдываясь перед кем-то невидимым.

Он подхватил комплект и, порывисто шагая, направился в спальню. Аккуратно, почти с непривычной для него бережностью, он уложил стопку на полку шкафа. Следом, повинаясь какому-то странному порыву, туда же перекочевали два других комплекта — один в «пошлые» красные сердечки, другой с цветочным узором, который, казалось, кричал о дачной эстетике восьмидесятых. Стопка полотенец завершила процесс. Первая коробка была опустошена.

Илья без колебаний скомкал старую демисезонную куртку, из которой вырос еще в институте, и швырнул её на дно опустевшего картона.

— Сюда, — сказал он в пустоту, — буду бросать ненужные вещи.

Вторая коробка оказалась «кухонной». Внутри обнаружились вафельные полотенца, сложенные в идеальные квадраты, и льняная скатерть с комплектом салфеток. Илья замер, держа в руках тяжелый лен. Он почесал затылок, оглядывая свой кухонный остров из нержавеющей стали.

— Илья, ты влип, — констатировал он сам себе, глядя, как льняная ткань контрастирует с холодным блеском металла. — Ты обживаешься салфетками. Скатертями. Так смотришь, скоро у тебя на подоконнике и фарфоровые слоники стоять будут.

Он невольно рассмеялся, представляя эту картину. Смех, странный и громкий в его идеальных стенах, заставил его почувствовать себя менее одиноким. Он потащил добро на кухню, решив, что раз уж он «влип», то стоит сделать это по-своему — превратить навязанное в нечто функциональное, пусть даже и против воли минимализма.

Илья усмехнулся, глядя на льняную скатерть в своих руках. Вещь была добротная, тяжелая, с вышитыми по краям незамысловатыми узорами. Совершенно не вписываясь в эстетику его лофта, где преобладали металл, бетон и стекло, она вдруг показалась ему чем-то теплым и... домашним.

— Так, — одернул он себя, решительно бросая скатерть на кухонный стол. — Никаких слоников. Только функциональность.

Он вернулся к остаткам «приданого». Вторая коробка была уже почти пустой, на дне валялись какие-то цветастые прихватки и набор приборов, которые выглядели так, будто ими пользовались со времен Олимпиады-80. Илья выудил из недр картонных стенок тяжелую вилку и повертел её в руках. Металл был потемневшим от времени, но невероятно качественным. Он уже занес руку, чтобы отправить вилку в картонную коробку для ненужных вещей, где покоилась куртка, но в последний момент остановился.

В памяти всплыло: кухня, запах пирожков, шум дождя за окном. Мама, которая всегда говорила, что хорошая вещь должна служить долго.

Он снова вздохнул. Его квартира, воплощение холодной, современной эстетики, вдруг начала сопротивляться. Она требовала порядка, пустоты, воздуха. А вещи, оставленные родителями, настойчиво заявляли о своем праве на жизнь.

Раздался стук в дверь. Три коротких, уверенных удара.

Илья нахмурился. Кого принесло? Доставка? Он ничего не заказывал. Соседи?

Он отложил приборы и прошел в прихожую. Замок щелкнул, дверь подалась. На пороге, в свете подъездной лампы, стояла девушка. Та самая. Вероника.

Ника

Она выглядела так, будто собиралась с духом последние полчаса. В руках она сжимала небольшой керамический горшочек с каким-то растением.

— Привет, — сказала она, и её голос чуть дрогнул. — Я... я соседка. Вы ведь, кажется, Илья? Я случайно увидела ваших родителей и...

Илья замер. Память услужливо подбросила образ той девчонки, которая когда-то носилась во дворе, сбивая коленки. Только теперь вместо разбитых коленок были джинсы, а вместо вечной детской суеты — тихая, осторожная улыбка.

— Привет, — ответил он, опираясь плечом о косяк двери. — Да, это я. Ты... Вероника, верно?

Она удивленно вскинула брови, и на её лице отразилось искреннее облегчение.

— Помнишь? — спросила она.

— Сложно забыть любимую внучку доброй соседки Натальи Ивановны. Девочку, которая раньше всех знала, где в доме лучше всего прятаться во время игры в прятки, — он усмехнулся. — Заходи, если хочешь. Только у меня тут небольшой беспорядок. Разбираю «приданое» от родителей.

Вероника переступила порог, огляделась по сторонам. Её взгляд скользнул по минималистичному интерьеру, затем задержался на дверях кухни, из-за которых выглядывал краешек льняной скатерти.

— О, — протянула она, переведя взгляд обратно на Илью. — Это не беспорядок. Это называется «обживание». Я принесла... ну, это вроде как традиция. Чтобы дом стал домом. И зови меня Ника... Мне так больше нравится...

Илья на секунду замолчал, словно пробуя новое имя на вкус. Он не сразу ответил, лишь слегка наклонил голову, внимательно изучая ее лицо — так, будто пытался прочитать в ее глазах что-то, скрытое от посторонних.

— Ника, — повторил он, и в его голосе, обычно сдержанном и чуть ироничном, сейчас проскользнула неожиданная мягкость. — Знаешь, это имя меняет всё. Если Вероника звучит как что-то, что нужно беречь, то Ника... Ника звучит как призыв к победе. Ниикаа, — произнес он снова, чуть растягивая гласные. — Имя греческой богини победы.

Она протянула ему горшок. Внутри рос небольшой, крепкий суккулент.

— Суккулент? — переспросил он. — Оригинально. Это... неожиданно. И очень кстати.

— Ты, главное, не выкидывай всё подряд, — Ника кивнула на коробки в коридоре. — Иногда самые ненужные на первый взгляд вещи оказываются именно тем, чего не хватает, чтобы перестать чувствовать себя в гостях в собственном доме.

Илья посмотрел на свои коробки, потом на Нику, которая стояла посреди его стерильной прихожей, привнося в неё что-то живое, теплое и совершенно чуждое его минимализму.

— Хочешь чаю? — спросил он, сам удивившись своей порывистости. — Только предупреждаю, осторожно: там на полу сервиз у меня... специфический — мое «приданое». И скатерть в наличии имеется.

Кофемания

Илья чуть прищурился, потом уголки его губ поползли вверх. Они прошли на кухню, минуя прихожую. Ника замерла, чувствуя, как у нее перехватило дыхание.

Это была ее кухня. В плане планировки — та же самая квадратура, те же высокие потолки, то же окно, выходящее в тот же двор. Но визуально... это была другая планета. Стены, которые у Ники облупились, здесь были покрашены в глубокий графитовый цвет, который неожиданно делал комнату не мрачной, а камерной и очень стильной. Окно, казавшееся у Ники узкой бойницей, здесь, без громоздких штор, заливалось светом, открывая вид на город. Мебель — строгие линии, матовые фасады, скрытая подсветка, которая мягко подсвечивала рабочую зону.

— Здорово, — выдохнула она, не в силах скрыть восхищение. Это выглядело как картинка из журнала, которую она сто раз пролистывала в Pinterest, но никогда не решалась повторить.

Илья прошел мимо, поставив ее цветок на подоконник рядом с парой книг.

— Это ты сам? — спросила она, не отрывая взгляда от столешницы из темного камня.

— Ну, частично, — отозвался он, открывая шкафчик. Тот открылся беззвучно, как сейф. — Технику и сам гарнитур собирали профи, но дизайн, цвет стен и вот этот минимализм — моя работа. Стараюсь не захламлять пространство.

Ника почувствовала легкий укол зависти, смешанный с искренним восторгом. Ее взгляд метнулся к углу столешницы и застыл. Там, поблескивая хромированными боками, стояла кофемашинка. Настоящая, профессиональная, с рычажками и манометром.

— А можно... кофе вместо чая? — неожиданно для самой себя попросила она.

Илья обернулся, его глаза чуть сузились от интереса.

— Любишь кофе?

— Очень. Это моя единственная зависимость, — призналась она.

— В этом я с тобой солидарен, — Илья улыбнулся.

Он начал готовить. Ника осторожно присела на высокий барный стул, стараясь не нарушить идеальную геометрию пространства. Она смотрела, как он двигается. В его движениях не было суеты: каждое действие — выверенное, четкое, почти как танец. Он взял чашки — тонкий фарфор, белый, как снег. А на полу в коробке из-под обуви сиротливо стоял тот самый фарфоровый сервиз из «приданого» — белые чашки и блюдца в цветочек.

Щелчок кофемолки, аромат свежемолотых зерен мгновенно наполнил комнату, вытесняя запах свежей краски и чего-то еще, неуловимо «ильинского».

Он достал из шкафчика небольшую деревянную доску, нарезал тонкими ломтиками сыр — нож в его руках двигался с пугающей грацией. Потом появилась небольшая вазочка с печеньем и плитка темного шоколада, которую он разломил на аккуратные дольки.

Ника поймала себя на том, что наблюдает за ним, забыв про все свои тревоги. Это было странно: они едва знакомы, но здесь, в этом графитовом интерьере, с ароматом кофе, возникло ощущение тишины и уюта, которое обычно нарабатывается годами дружбы.

— Держи, — он поставил перед ней чашку. Пена была идеальной, глянцевой.

Они сели друг напротив друга. Кофе оказался крепким, с тонкой ноткой горчинки, именно таким, как она любила.

— Знаешь, — сказала Ника, отпив глоток и с наслаждением прикрыв глаза, — я боялась, что ты какой-нибудь заносчивый мажор, который не любит, когда к нему заходят.

Илья засмеялся. Это был низкий, приятный звук.

— Я не мажор, я строитель. И я ценю уединение. Но... — он сделал паузу, глядя на ее суккулент, — иногда приятно нарушить свой идеальный порядок. Рассказывай, как тебе живется этажом ниже?

И она начала рассказывать.

— Знаешь, — она сделала паузу, рассматривая узор на керамической плитке пола, — эта квартира досталась мне от бабушки. Она была потрясающей женщиной, светлой и доброй, но квартира... время ее не щадило. Впрочем, выбора у меня особо не было.

Илья чуть наклонил голову, внимательно слушая.

— Пришлось съехать от родителей? — тихо спросил он.

Ника кивнула, чувствуя, как внутри привычно отозвалось напряжение.

— Можно сказать, я сбежала. От тотальной родительской опеки. Знаешь это чувство, когда тебя любят настолько сильно, что не дают дышать? Каждое решение, каждый выбор, даже выбор обоев в мою комнату — всё было под контролем. Эта квартира стала моим острым свободой. Пусть старым, пусть с облупленной краской и дверцами, которые скрипят, как в фильме ужасов, но зато — моей.

Она смущенно улыбнулась.

— Я пытаюсь что-то менять, понемногу облагораживать, но... — Ника развела руками. — Тут финансы поют такие романсы, что даже стены слышат. Самое ироничное, что по профессии я бухгалтер. Я каждый день виртуозно считаю чужие деньги, свожу огромные бюджеты, оптимизирую налоговые потоки. Но когда дело доходит до моего собственного счета, выясняется, что мои навыки «магическим образом» испаряются. Свои деньги — это какая-то зона Бермудского треугольника.

Илья, который до этого момента молчал, вдруг тихо рассмеялся.

— Архитектура бюджета, значит? — спросил он, отставляя пустую чашку. — Знаешь, я как строитель тебе скажу: самое важное в любом здании — это не отделка, а фундамент. Если стены стоят крепко, остальное — дело времени.

Он поднялся и подошел к шкафу, где стояла папка с бумагами.

— У меня осталось много образцов материалов после ремонта, — небрежно бросил он, листая какие-то каталоги. — Краски, куски напольного покрытия, фурнитура. Мне всё равно их девать некуда, а место они занимают. Может, зайдешь как-нибудь, поможешь мне избавиться от лишнего груза? Заодно и посмотришь, как можно превратить «бабушкину» квартиру в жилое пространство, не тратя миллионы.

Ника замерла, сжимая в руках чашку. Предложение казалось настолько простым и в то же время невероятно ценным, что она даже растерялась.

— Ты... серьезно? — спросила она.

Илья обернулся, и в его взгляде, который раньше казался ей отстраненным, теперь читалось теплое, почти дружеское участие.

— Абсолютно. Считай это профессиональной консультацией в обмен на тот замечательный суккулент.

И вскоре она поймала себя на мысли, что они болтают так, словно были старыми знакомыми, которые просто давно не виделись и теперь наверстывают упущенное за чашкой кофе. Графитовые стены вокруг больше не казались холодными — они стали частью этого удивительного, неожиданного вечера.

Хочется петь и летать

Время, казалось, решило сжать свои границы, просачиваясь сквозь пальцы быстрее, чем остывал кофе в кружках. Ника бросила взгляд на настенные часы — стрелки безжалостно показывали час, который она не планировала провести в гостях.

Ее взгляд скользнул по прихожей Ильи. Там громоздились картонные коробки, перетянутые скотчем. Некоторые были вскрыты, другие — еще сохраняли свою первозданную плотность. Она вспомнила, что пора и честь знать, как любила говорить ее бабушка. Злоупотреблять гостеприимством, пусть даже такого приятного соседа, не входило в ее планы.

— Кажется, я задержалась дольше, чем собиралась, — Ника поставила пустую чашку на стол и поднялась, стараясь скрыть легкую досаду от того, что разговор прерывается. — У меня ведь холодильник пуст, как кошелек после оплаты коммуналки. Нужно наведаться в магазин, пока очереди не стали размером с очередь в пенсионный фонд.

Илья тоже встал, провожая ее к выходу. В его движениях не было суетливости, только спокойная уверенность.

— Понимаю, — кивнул он. — Дела не ждут. Но спасибо, что заглянула. Ты очень оживила это пространство.

— Это тебе спасибо за кофе и... за советы, — она улыбнулась. — И за образцы. Я правда зайду, если ты не передумаешь.

— Не передумаю, — твердо ответил он, открывая дверь. — Был рад познакомиться с замечательной соседкой. До встречи, Ника.

— До встречи, Илья.

Дверь за ней закрылась мягко, но уверенно, отрезая уют полумрака квартиры от холодного света лестничной клетки. Ника не пошла к лифту. Вместо этого она почти слетела по ступенькам, преодолевая их по две сразу. Ноги казались невесомыми, словно гравитация в этом подъезде сегодня решила сделать перерыв.

Она спускалась вниз, и внутри нее разливалось тепло, которое не имело никакого отношения к выпитому кофе. Это было чувство полета. Ей хотелось не идти — ей хотелось танцевать, кружиться, срывая пыль с перил лестничного пролета.

Тишину подъезда вдруг нарушил тихий звук. Сначала это был лишь нестройный напев, но постепенно он обрел форму.

— *В нашем доме поселился замечательный сосе-ед...* — тихо промурлыкала она себе под нос, сбиваясь на смех.

Она остановилась на лестничной площадке второго этажа, прижала ладонь к губам, пытаясь сдержать улыбку, но та лишь шире расплывалась на лице. Это было абсурдно, нелепо и совершенно прекрасно. В голове всплывали обрывки фраз Ильи, его спокойный голос, тот факт, что он пригласил ее снова.

«Он сказал „замечательная соседка“», — эхом отдалось в сознании.

Спустя двадцать минут Ника выскочила на улицу, и прохладный осенний воздух ударил в лицо, окончательно сдувая остатки ее прежней неуверенности и хандры. Она зашагала к супермаркету, и походка ее была легкой, пружинистой. Даже серые панели домов вокруг вдруг показались не унылыми декорациями, а вполне достойным фоном для начала чего-то нового.

— *...Мне теперь, конечно, стало веселее жить!* — на этот раз она спела громче, не заботясь о том, услышит ли ее кто-то.

Пусть слышат. В конце концов, в этом доме действительно появился замечательный сосед, и, судя по всему, ее жизнь только что сделала крутой поворот в сторону, где цвета становятся ярче, а счета — наконец-то — начнут сходиться.

Загадочная Ника

Щелчок замка прозвучал в тишине квартиры неестественно громко. Илья остался один. Свежий запах её духов — что-то древесно-пряное, еще висел в воздухе, но медленно рассеивался, уступая место привычному аромату неразобранного быта.

Он окинул взглядом прихожую. Картонные коробки, громоздящиеся пирамидами, вдруг показались ему не просто грудой ненужного хлама, а воплощением его прошлой жизни скитальца, которую он сам же и привез с собой на новое место. Прошлая жизнь, упакованная в крафт и скотч.

Илья шумно выдохнул, проходясь ладонью по волосам. Тишина давила на уши.

— Что это было? — вслух спросил он, обращаясь к пустой комнате.

Ника. Девушка, которая последние недели сверлила его взглядом, полным то ли страха, то ли вызова. Вечно прячущая лицо в шарфе, зажатая, словно натянутая струна. А сегодня — цветок, как попытка навести мосты через пропасть, которая, как он полагал, разделяет их.

Илья подошел к подоконнику, где сиротливо стоял подарок. Этот город — город его детства, его юности, его первых ошибок — смотрел на него из окон многоэтажек, но смотрел чужими глазами. Он вернулся сюда, думая, что стены помнят его, но стены оказались просто бетоном. Он был здесь абсолютно, оглушительно один.

— Неужели... — он хмыкнул, рассматривая своё отражение в оконном стекле. — Неужели увидела родителей? Поняла, кто я?

Мысль показалась ему логичной. Фамилия, машина, манеры — в их районе такие вещи замечают моментально. Возможно, «враждебность» сменилась на «признание авторитета». Или, что было куда более прозаично, её просто доконала эта бесконечная, тягучая осенняя серость, от которой сжимается сердце. Одиночество — штука липкая, оно заставляет людей делать странные вещи: стучаться к соседям, приносить цветы, искать хоть какой-то контакт в бетонных джунглях.

— Может, просто захотелось поговорить, — пробормотал он, присаживаясь на корточки у одной из коробок.

Он подцепил ножом край скотча, полоснул его, и картон с сухим треском разошелся. Внутри обнаружились книги — тяжелые, в твердых переплетах, о которых он почти забыл за суетой переезда.

— Ладно. Поживем — увидим.

Она показалась ему адекватной. Немного дерганой, конечно, с глазами, в которых вспыхивали искры, противоречащие её внешней зажатости, но вполне вменяемой.

Илья вытащил том, повертел его в руках и отложил в сторону. В голове крутилась мысль о том, что он здесь совсем один. Старые друзья — те, с которыми когда-то можно было сорваться куда угодно среди ночи — теперь обросли семьями, кредитами и планами на выходные, расписанными на полгода вперед. Любой разговор с ними неизбежно упирался в детские сады, скидки на подгузники или жалобы на жен. А ему хотелось простого человеческого присутствия без этого «семейного» флера.

Здесь, в его родном городе, где каждый дом был пропитан призраками его прошлого, он больше всего боялся именно этого — превратиться в того самого «одинокую волка», который самодовольно сторонится всех, упиваясь собственной отчужденностью. Он знал этот типаж: мужчины, которые с годами обрастают броней из цинизма, превращаясь в призраков в своих собственных квартирах, смотрящих на мир лишь сквозь призму недочитанных книг и старых обид.

Он не хотел быть таким. Не хотел существовать здесь, в этом родном и ставшем чужим городе, как пыльный экспонат в музее собственных амбиций.

Взгляд снова упал на цветок.

— А что, — Илья усмехнулся, уже представляя, как она будет реагировать на предложение. — Может, и приглашу ее в кафе. Почему нет?

Это был бы логичный шаг. Не ради неё — он пока ничего не знал об этой девушке — а ради себя самого. Чтобы не превратиться в того, кто добровольно вычеркнул себя из жизни, кто предпочитает уютную изоляцию живому, пусть даже неловкому человеческому теплу. Если он хочет снова «заземлиться» в этом городе, если он хочет снова здесь жить, а не просто существовать, то нужно было начать с чего-то простого. С чашки кофе. С разговора с соседкой, которая решилась выйти из своей скорлупы.

Он рывком выпрямился, разминая затекшую спину. Нужно закончить с этим хламом. Быстро, методично. Как он привык.

— Разбираем, — скомандовал он себе. — А там видно будет.

В конце концов, в игре, где он так долго считал себя единственной фигурой на доске, пришло время сделать ход, который нарушит правила его собственного одиночества.

А жизнь, кажется, налаживается

Спустя час входная дверь в квартиру содрогнулась под натиском Ники. Она ввалилась в коридор, тяжело дыша и едва удерживая в руках два огромных пакета, которые, казалось, весили больше, чем она сама.

Ника с грохотом опустила ношу на пол, и пакеты тут же предательски хрустнули. Хлеб, молоко, творог, курица, какие-то упаковки со странными названиями — всё это вывалилось бы наружу, если бы не прочность полиэтилена. Ника с досадой выдохнула. Ну почему, почему она никогда не умела экономить на походах в магазин? Хотя, если честно, дело было не в экономии. Она просто ненавидела магазины. Терпеть не могла этот гул толпы, бесконечные очереди, где обязательно кто-то чихнет тебе в затылок, и этот специфический запах смешанных продуктов. Поэтому стратегия была проста: «закупиться на неделю и затаиться до следующего воскресенья».

Но сегодня она совершила непростительную глупость — отправилась в супермаркет пешком, без машины. Вдохновленная отличным настроением, она «летела» по улице, порхала, как бабочка, совершенно забыв о том, что её собственные руки — не багажник автомобиля. Как любая женщина, зашедшая «просто за хлебом и молоком», Ника набрала полную корзину вещей, «которые обязательно пригодятся». Ведь когда ты оказываешься среди бесконечных полок, всё становится жизненно необходимым: и вон тот соус для салата, который ты готовишь раз в год, и этот экзотический фрукт, и еще пара упаковок чего-то полезного. Женская логика в магазине — это не про нужду, это про «а вдруг завтра наступит конец света, а у меня нет запаса овсяного печенья».

Пока она, превратившись в самое настоящее выючное животное, пыталась дотащить эти пакеты до дома, телефон в её сумке надрывался уже в третий раз. Звук был приглушенным, настойчивым, но Ника, сцепив зубы от тяжести врывающихся в пальцы ручек пакетов, только раздраженно мотнула головой. «Потом, всё потом», — пронеслось в мыслях.

Наконец, справившись с покупками, Ника принялась за привычный процесс раскладывания. Она торжественно открыла дверцу своего холодильника. Это был единственный предмет в квартире, который выглядел так, будто сошел со страниц глянцевого журнала — новый, огромный, выше неё самой, с блестящим покрытием и системой No Frost. Он был её гордостью. Идеально чистые полки, прохлада, готовая принять в себя всё это продовольственное безумие.

Когда последняя упаковка творога заняла своё место, Ника наконец-то выпрямилась, вытерла пот со лба и вытащила телефон из кармана куртки, которая всё это время лежала поверх пакетов.

На экране светилось: «Аня», три пропущенных.

Ника замерла. Три звонка? Это было странно. Аня никогда не отличалась чрезмерной настойчивостью, если речь не шла о действительно чем-то важном или срочном. Обычно она писала сообщения, берегла личное пространство. Значит, случилось что-то, что требовало немедленного внимания.

Чувство лёгкой тревоги смешалось с усталостью. Ника набрала номер Ани, прислонилась спиной к прохладной дверце холодильника и приготовилась слушать.

Глава 2. Забытое прошлое

Он вернулся

Гудок прошел всего один. Аня ответила мгновенно.

— Ника? — голос в динамике звучал глухо, с какой-то надрывной хрипотцой, от которой по спине Ники пробежал неприятный холодок. — Слава богу. Почему ты не брала?

— Я была в магазине, руки были заняты пакетами, — Ника нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает холодное беспокойство. — Что случилось? Ты три раза звонила, я только пришла.

— Слушай меня внимательно, — Аня проигнорировала её оправдание. — Он здесь.

Ника замерла. Рука, сжимавшая телефон, побелела от напряжения.

— Кто «он»? Аня, о чем ты?

— Ден звонил мне сегодня, Ника. Начал вчера, во второй половине дня. Незвестный номер, постоянные сбросы, а потом... потом пришло сообщение. Одна фраза, которую знаю только я и ошибки быть не может. Я не отвечала. Побоялась.

— Аня, — голос Ники дрогнул, — ты сказала, он в городе? Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела его, Ника, — Аня сглотнула, и в трубке отчетливо послышался сухой, болезненный звук. — Я видела его в городе недавно, с ним были его родители. Мы встретились случайно, недалеко от дома, где жила его бабушка. Он меня узнал, но просто кивнул и все.

Ника почувствовала, как по позвоночнику пробежал неприятный холодок. Семь лет назад этот парень был влюбленным в неё до безумия. После того неприятного случая на даче, она думала, что он уехал, женился, забыл их имена.

— Он ничего не сказал? Не подошел? — спросила Ника.

— В том-то и дело, что нет, — голос Ани стал пугающе тихим. — Он просто поднял голову, посмотрел на меня, улыбнулся и прошел мимо. Знаешь, что самое страшное? Мне пришло сообщение.

— Какое сообщение?

— Короткое «Надо встретиться».

Ника почувствовала, как почва уходит из-под ног.

— Мы обе знаем, что тогда произошло. Ты хочешь, чтобы дело семилетней давности снова открылось?

В трубке повисла тишина. Дэн не просто пропал. Он тогда сказал Нике странную фразу: «Твоя подруга заключила пари».

Больше не стал ничего объяснять в том далеком августе. Просто развернулся и ушел.

— Ника, у тебя ведь остался его телефон?

Ника замерла. Телефон лежал в укромном месте. Она подозревала, что содержимое может быть как-то связано с тем, что случилось с Дэном и с ней.

Далекий август

В окнах домов уже зажигались первые огни, а они всё стояли у подъезда. Воздух был сырым и плотным, пахло нагретым за день асфальтом и близкой грозой, которая так и не решилась разразиться. Где-то за кустами сирени надрывно трещал сверчок, и от этого тишина между ними казалась ещё более звенящей.

Ден стоял напротив Ники, и в полумраке его лицо выглядело чужим. Белая марлевая повязка туго обхватывала голову, на виске проступало тёмное кровавое пятно. Под левым глазом расплывался синяк, переходящий в отёк, и на фоне бледной кожи он казался почти чёрным. Он смотрел на нее странно — не зло, не обиженно, а как-то опустошенно, будто после долгой болезни.

— Твоя подруга заключила пари, — сказал он негромко, почти без интонации.

Ника ждала продолжения. Секунду, две, три. Сердце колотилось и Ника уже открыла рот, чтобы спросить: «Какая подруга? О чём пари?» — но он не сказал больше ни слова. Просто стоял и смотрел на нее, а потом медленно перевёл взгляд в сторону парковки во дворе, где стояла тёмная машина.

Ника обернулась. Внутри, за лобовым стеклом, угадывались два силуэта. Отец Дена сидел на водительском месте, опустив стекло, и нервно затягивался сигаретой. Красная точка огонька вспыхивала и гасла, и в её свете мелькало его лицо — жёсткое, уставшее. Рядом, на пассажирском сиденье, неподвижно сидела мать. Она не смотрела ни на них, ни на мужа — только вниз, на свои руки, сложенные на коленях, будто пыталась найти в них ответ на что-то.

Тишина затянулась. Ника перевела взгляд обратно на Дена — он так и не повернулся к ней. Может, он ждал, что она сама всё поймет? Или просто не мог говорить из-за того, что случилось ночью. Она хотела коснуться его рукава, но не решилась.

Вдруг отец Дена резко выдохнул, бросил окуроч в темноту и, не повышая голоса, но так, что каждое слово прозвучало как приговор, сказал:

— Ден, нам пора.

Это было всё. Ни «до свидания», ни объяснений. Ден вздрогнул, словно его вывели из оцепенения, коротко кивнул ей — или, может, просто качнул головой — и, не оглядываясь, пошёл к машине. Шаги его были тяжёлыми, чуть неуверенными. Он открыл заднюю дверь, сел, и дверь мягко захлопнулась.

Завёлся двигатель, фары осветили дорожку, и автомобиль медленно пополз к выезду со двора. Ника стояла так, пока красные огоньки не растворились в темноте. Только тогда до нее дошло, что она так и не спросила: какая подруга? какое пари? И что вообще произошло там, на даче, после чего у Дена разбита голова, а родители молча увозят его, не глядя ей в глаза.

Ветер тронул листья, и где-то далеко глухо пророкотал гром. Она так и осталась стоять с этим его последним предложением, которое повисло в воздухе. И только теперь она вспомнила про телефон Дена, который она нашла в кармане той куртки, в которой вчера была на даче. Она не помнила и не понимала, как этот телефон оказался у нее в кармане.

Скелеты в шкафу

В детстве Ника думала, что скелеты в шкафу бывают только в старых домах с привидениями. Но, как оказалось, у каждого человека есть своя потайная дверца, за которой скрипят кости несказанного. У Ники такая дверца была обита изнутри мягкой тканью, чтобы никто не услышал, как она щёлкает замком.

Ника часто повторяла себе: «То, что ты не рассказываешь, — не ложь, а просто личное пространство». Но однажды ночью она поймала себя на том, что перебирает в памяти все те случаи, когда промолчала, чтобы не разрушить чужое представление о себе. И с ужасом поняла: её скелеты — это не страшные тайны, а мелкие предательства, которые она совершила по отношению к самой себе, притворяясь удобной. Самый первый скелет — это её улыбка, которую она надевает как халат, когда внутри всё дрожит.

Скелеты в шкафу — это избитая метафора, которую люди используют, чтобы придать своим ошибкам какой-то литературный флёр. Мы говорим «у каждого свои скелеты» так, будто это некий неизбежный аксессуар, вроде сумочки или наручных часов. Мол, есть они у всех, ну и что? Живем же как-то.

Но если быть до конца честными, эта метафора фундаментально неверна. Скелет — это что-то мертвое. Сухое, выбеленное временем, неподвижное. Нам хочется верить, что наши ошибки именно такие: давно сгнившие кости, которые лежат себе в темноте, не мешают дышать и не требуют внимания. Мы запираем их в «шкафах» — за фасадом успешной карьеры, за уютными семейными ужинами, за вежливыми улыбками при встрече с соседями. Мы верим в магию забвения: если я не вижу, что там за дверцей шкафа, значит, внутри ничего нет.

Но правда в том, что внутри нет никаких скелетов. Там живут не кости. Там живут призраки наших решений. Эти сущности куда опаснее, потому что они не статичны. Они питаются тем, что мы пытаемся их игнорировать. Чем старательнее мы строим свою «нормальную» жизнь, чем больше слоев комфорта и лжи мы наматываем вокруг себя, тем сильнее они становятся. Они не пылятся в углу — они растут. Они обрастают деталями, которые мы предпочли забыть; они впитывают нашу боль и начинают пульсировать в такт нашему сердцу.

Ника думала, что время — это антисептик. Что достаточно просто подождать, и событие, отравившее воздух в том далеком августе, выветрится, превратившись в невинную историю, о которой можно будет говорить с легкой грустью. Она ошибалась. Время работает как консервант. Оно закупоривает грех в вакууме, сохраняя его свежим, осязаемым и до жути реальным.

Самое страшное в «скелетах» — это то, что они обладают странной гравитацией. Они притягивают к себе события, людей, совпадения. Они создают вокруг себя зону отчуждения, в которую рано или поздно затягивает всех, кто к ним причастен.

Она думала, что, убежав, она разорвала связь. Но невозможно убежать от самого себя, когда «само себя» — это соучастник преступления против собственной совести.

Теперь Ника поняла: шкаф не для того, чтобы прятать кости. Он нужен, чтобы чувствовать, как за тонкой фанерой что-то тихонько царапается, напоминая о цене твоего спокойствия. И однажды дверца обязательно откроется. Не потому, что время вышло, а потому, что долг, который ты так долго игнорировал, потребует оплаты.

Её «скелет» никогда не был мертв. Он просто ждал, когда она, наконец, наберется мужества признать, что он — это часть ее самой. И если она хочет быть свободной, ей придется не просто открыть этот шкаф. Ей придется обнять то, что в нем скрыто, и, возможно, позволить этому чудовищу уничтожить ту версию ее самой, которая так отчаянно пыталась казаться невинной.

Ника опустила телефон, но экран продолжал слабо светиться, высвечивая трещины на защитном стекле. Скелетом был сам Ден.

Ден. Имя, которое она вычеркнула из памяти, как забывают кошмары после пробуждения. Она думала, что семь лет — достаточный срок, чтобы прошлое превратилось в пыль. Но прошлое не умирает, оно просто ждет удобного момента, чтобы выскочить из темноты, как чертик из табакерки, и ухватить за горло ледяными пальцами.

Внезапно все встало на свои места. Тот звонок утром в субботу — это был Ден. Память ударила наотмашь, резкой вспышкой, как приступ мигрени.

Август, семь лет назад. Они были глупыми, опьяненными свободой первокурсницами. Дача Ани казалась им тогда центром мира, а август — бесконечным приключением. Шампанское было лишь началом. А потом приехали друзья Ани. Шумные, наглые, с бутылками дешевого виски, который обжигал горло и туманил рассудок.

Ника вспомнила тот момент, когда реальность начала плавиться. Смех, громкая музыка, отблески огня в мангале, танцы, которые становились всё более хаотичными. Ден тогда всё время был рядом. Он предлагал уйти. Он смотрел на неё — просто как влюбленный парень. А потом — провал. Абсолютная чернота, как будто кто-то выключил свет в кинотеатре посреди фильма.

Она пыталась восстановить детали, но мозг упорно сопротивлялся, выставляя защитные блоки. Но теперь, под давлением страха, барьеры рушились. Она вспомнила холодную плитку пола под своей спиной. Дыхание парня, склонившегося над ней и пытавшегося стянуть с нее джинсы. Гулкий, почти нечеловеческий крик — свой или чужой? Свет фонарика на телефоне в руках Дена, разрезающий тьму подвала. И главное — тот самый взгляд Дена в подвале на даче, куда она забрела, сама не понимая зачем. Ден был там. Он схватил парня, что дышал ей в лицо, и швырнул его со всей силы куда-то в стену. А потом свет погас и был этот звук... глухой удар, сдавленный стон, и странное ощущение, что мир вокруг них изменился, стал чужим, искаженным.

Они убежали. Она и Аня. Они оставили его там, в темноте подвала, даже не оглядываясь. Они были уверены, что он просто упал, но они его бросили... Они решили — по молчаливому согласию, без единого слова, — что ничего не было. Что это был просто страшный сон, вызванный алкоголем.

Они загнали этот поступок глубоко внутрь, заперев на все засовы. Они построили свои жизни на фундаменте из этого «ничего не случилось».

— Скелеты, — прошептала Ника, глядя на своё отражение в темном окне.

Их было двое. Она и Аня. Они не просто совершили глупость, они совершили нечто, что навсегда изменило их судьбы. Опасный поступок, граничащий с преступлением, совершенный в приступе паники и подросткового эгоизма.

Ден вернулся. Семь лет он молчал. Семь лет он был для них «пропавшим без вести», а теперь он здесь, как вестник расплаты. Ника так и не сказала Ане о той странной встрече с Деном, когда он сказал ей про пари...

Телефон снова завибрировал в её руке. Сообщение от Ани: «Он приглашает нас в кафе на встречу. Я скоро буду у тебя. Едем вместе!»

Ника почувствовала, как по спине поползли мурашки. Он не просто вернулся — он приглашал их вернуться в тот август. Он заставлял их вспомнить не только то, что они сделали, но и то, что он увидел в подвале.

Воскресный вечер

Часам к шести вечера Илья, наконец, выдохнул, опустившись на край дивана. Прихожая, еще днем заваленная картонными коробками, теперь была свободна. Спину неприятно ломило от долгого напряжения, а на ладонях остался легкий след от пыли.

На стеллаже теперь красовалась его небольшая, но дорогая сердцу библиотека. Илья провёл пальцами по корешкам: здесь соседствовали потрепанный томик Ремарка с загнутыми страницами, подаренный отцом сборник рассказов Брэдли, пахнущий старой бумагой и приключениями, несколько увесистых учебников по архитектуре, тонкая книжка стихов Бродского, зачитанный до дыр детектив Агаты Кристи, собрание сочинений Булгакова в трех томах и справочник по современным строительным материалам. В справочники он вкладывал вместо закладок билеты с выставок по дизайну или с других мероприятий, касающихся архитектуры и строительства. Каждая книга была связующим звеном с его прежней жизнью, все эти вещи имели историю, а не просто были частью интерьера.

Коробку с фотографиями, которую он предусмотрительно задвинул на антресоли, решил пока не трогать. Слишком много эмоций таилось в тех застывших моментах: улыбки родителей, шумные вечеринки друзей, юность, которая казалась бесконечной. Сейчас ему хотелось спокойствия, а не ностальгической бури.

В углу, рядом с походным рюкзаком, как два верных стража, обосновались гантели. Вид этого «спортивного уголка» вызывал смесь гордости за принятое решение начать новую жизнь и легкого скепсиса — хватит ли запала надолго?

У порога сиротливо приютилась коробка с ненужным хламом — остатками прошлой жизни, которые требовалось безжалостно утилизировать.

— Отнесу это к контейнерам с мусором, а потом в город, — вслух произнес Илья, нарушая тишину пустой квартиры. — Перекушу где-нибудь, а на обратном пути заскочу за продуктами.

На улице уже сгущались сумерки. Воздух стал прохладным, предвещая скорые холода. Илья подхватил коробку, спустился вниз и, избавившись от лишнего груза, направился к своей машине. Усаживаясь за руль, он машинально скользнул взглядом по окнам второго этажа. Квартира Ники была темной, как выключенный монитор. Странно. Ее маленькая, неказистая «Букашка» мирно спала на парковке, присыпанная сухими листьями, а хозяйки дома не было. Невольно возник вопрос: где она может быть в такой час? Но, тряхнув головой, Илья отогнал лишние мысли. Не его дело.

Он завел мотор и плавно вырулил со двора. Решение было принято твердо: кафе «Черный кот». Это заведение было единственным островком цивилизации в их маленьком городке, где кофе не отдавал жженым зерном, а меню не ограничивалось стандартным набором из котлеты и пюре. Там, в полумраке зала, под приглушенные звуки музыки, он рассчитывал посидеть в тишине и окончательно принять факт своего переезда.

Дорога заняла всего десять минут. Подъезжая к «Черному коту», Илья заметил, что на парковке перед кафе непривычно мало машин. Видимо, вечер воскресенья диктовал свои правила даже в этом захолустье. Он припарковался чуть поодаль, заглушил двигатель и на мгновение замер, глядя на светящуюся вывеску. Внутри него боролись два чувства: предвкушение вкусного ужина и странная, едва уловимая пустота, которая всегда приходит, когда ставишь точку в важном этапе. Он глубоко вдохнул, поправил воротник косухи и вышел из машины. Жизнь продолжалась, и теперь она пахла свежесваренным кофе и новыми возможностями.

Кафе «Черный кот»

Колокольчик над дверью кафе «Черный кот» звякнул предательски громко, нарушая тревожную тишину вечера. Ника замерла, вцепившись в ремешок сумки. Рядом Аня издала короткий, судорожный вздох — звук, похожий на скулеж подстреленного зверя.

Зал был почти пуст. Лишь в дальнем углу, за тем самым столом, где когда-то, семь лет назад, они пили кофе, обсуждая планы на последние выходные лета — планы, которые обернулись пеплом, — сидел Ден.

Он выглядел пугающе хорошо. Даже спустя годы, после того, как они списали его со счетов, вычеркнули из жизни и попытались похоронить память о нем вместе с их грехом, он оставался таким же: безупречно уложенные волосы, легкая небрежность дорогого костюма, уверенная осанка. Ден не просто сидел, он излучал спокойствие, которое казалось неестественным, почти хищным. В полумраке кафе он напоминал большого, сытого кота, который дождался, пока мыши сами прибегут в ловушку.

Когда он поднялся, Нике показалось, что пол ушел у нее из-под ног. Он улыбнулся. Это была та самая улыбка, которая когда-то заставляла её доверять ему безоговорочно. Но теперь она видела в ней лишь оскал.

— Идем, — одними губами прошептала Аня. Ее голос дрожал, а колени, казалось, вот-вот подломятся.

Они преодолели эти несколько метров на трясущихся от волнения ногах. Каждое движение давалось с трудом, каждый шаг отдавался в висках пульсирующей болью. Они шли на эшафот, надеясь лишь на то, что палач будет милосерден.

Ден отодвинул для них стулья. Жест был галантным, почти старомодным.

— Вы чего такие испуганные? — его голос звучал мягко, с той самой бархатной хрипотцой, которая когда-то сводила её с ума. — Как будто мертвеца увидели.

Ника села, чувствуя, как ткань платья прилипает к влажной спине. Она не могла оторвать взгляда от его рук — сильных, ухоженных, тех самых рук, которые... нет, нельзя было об этом думать.

— Ден, — голос Ани прозвучал хрипло. — Мы думали... мы решили, что ты...

— Что я исчез навсегда? — Ден рассмеялся, и этот звук показался им лезвием бритвы. — Извините, наверное, я немного переиграл. Этой встречи могло и не быть. Я приехал по просьбе своих родителей, они продают квартиру бабушки. Я увидел тебя, Аня, и вспомнил, как вы меня бросили. Ох и досталось же мне тогда...

Он сделал паузу, внимательно изучая их лица. Его глаза — холодные, внимательные — скользнули по Ане, задержались на Нике.

— Но все прошло, — продолжил он, пожав плечами. — И знаете что самое забавное? Все у меня сложилось хорошо. Судьба — странная штука, не правда ли? Она имеет свойство превращать катастрофы в возможности.

Аня с трудом сглотнула.

— Ты следил за нами? — спросила она.

Ден лишь усмехнулся, пропуская вопрос мимо ушей.

— И вас, я знаю, никто не беспокоил. Вы отлично спрятались. Хотя тогда, на даче, начудили вы знатно...

Слово «дача» повисло в воздухе, как удушливый смог. Аня вздрогнула, накрыв рот ладонью.

— Это старая история, — Ден подозвал официанта жестом, полным власти. — Давайте закажем что-то. Вы выглядите так, будто нуждаетесь в чем-то покрепче кофе. А потом... потом

я расскажу вам всю историю. Ту самую, которую вы вследствие бессознательного состояния, наверное, не помните, а еще и так старательно пытались забыть.

Он заказал вино, не спрашивая их предпочтений, словно знал наперед, что они согласятся на всё. Когда официант отошел, Ден подался вперед, опираясь локтями о стол. В этот момент маска дружелюбия слегка сползла, обнажив то, что действительно пряталось за этой безупречной внешностью.

— Итак, — прошептал он, и Аня почувствовала, как по спине пробежал холодок. — С чего бы нам начать? С того, как вы меня оставили, или с того, что на самом деле произошло в ту ночь, когда вы думали, что всё кончено?

Он ждал ответа, наслаждаясь их ужасом. Дверца шкафа, которую они так старательно запирали, медленно, со скрипом приоткрывалась.

Дела давно минувших дней

Официант вернулся быстро. Он поставил на стол бутылку темно-бордового «Мальбека» и тяжелую дубовую доску, на которой были сервированы ломтики прошутто, вяленые томаты, несколько видов выдержанных сыров и горка крупных оливок.

Официант ловко вытащил пробку. Его движения были точными, лишёнными суеты. Пока официант разливал вино по бокалам, Ден молчал. Аромат вина был плотным, терпким, с нотами черной смородины и легкой горчинкой, которая наполнила пространство вокруг, перекрывая запах кофе.

Ден подождал, пока официант удалится, и, наконец, посмотрел на девушек.

— Помните? — начал он, и в его голосе проскользнула ностальгическая нотка, от которой у Ники по спине пробежал мороз. — Я ведь тогда уже два года в Кракове отучился. Целых два года — я уже чувствовал себя бывалым, повидавшим мир, а вы... вы только-только входили во вкус взрослой жизни, совсем зелёные, с дрожью в коленках после последнего экзамена. Ты, Ника, в Минский экономический в тот самый год поступила, а ты, Аня — в технологический. Помню, как вы тогда светились — и от результатов, и от того, что наконец-то всё позади. Прекрасное время, было... Правда? — Ден улыбнулся, обвел взглядом девушек. Он уже два года жил один, в чужом городе, сдавал сессии, а они ещё даже не знали вкуса студенческой жизни. — Мы ведь именно это тогда и отмечали на даче. Ваше поступление, ваш первый шаг во взрослую жизнь.

Он сделал глоток, прикрыв глаза. Аня даже не притронулась к бокалу, вцепившись пальцами в край стола.

— Но потом приехали Анины «приятели», — Ден скривил губы, словно вспомнил что-то неприятное. — И вот эти двое всё испортили. Пока я стоял у мангала, доводя мясо до идеальной прожарки, вы, красотки, пропали из поля моего зрения, хотя я старательно следил, чтобы вы чего не натворили. Но, видимо, вы решили, что дешевого виски вам мало. И пропали.

Он отломил кусочек сыра, медленно разжевывая его.

— Шашлык готов, остывает, а вас нет. Я обошел весь дом, заглянул в каждую комнату — пусто. Честно говоря, я уже начал паниковать. А потом услышал голоса. Пошел на звук, спустился по ступенькам к двери в подвал... Я уже взялся за ручку двери, как вдруг услышал за спиной сбивчивое дыхание и шаркающие шаги. Обернулся — и увидел тебя, Аня. Ты была в сильном подпитии: глаза мутно блестели, волосы слиплись у висков, и от тебя волной несло перегаром.

— Не надо... — выдохнула ты. — Только не открывай.

— Я нахмурился, потянулся к ручке. Ты тут же вскинулась, перехватила мою ладонь, вцепившись в неё мокрыми от пота пальцами. Ты пыталась меня остановить... Дёрнула меня за рукав, повисала на плече, загораживала дверь спиной, раскинув руки в стороны. Твои ноги подкашивались, но ты упрямо делала шаг вперёд, каждый раз загораживая мне путь. Я видел, как ты кусаешь губы, как зрачки бегают по сторонам — ты будто ждала какого-то сигнала из-за двери. И в глазах у тебя был страх, но не за меня — а за то, что сейчас раскроется там, за дверью.

— Пожалуйста, не открывай! — повторяла ты, сильнее цепляясь в мою куртку. — Просто стой спокойно, не дёргай ручку, я тебя прошу... Иначе меня прибьют... И тебя...

Ты просила, чтобы я не открывал дверь... И с каждым словом твой голос становился всё громче. Ты пыталась оттащить меня в сторону, упираясь пятками в пол, судорожно цепляясь за мою руку. Потом ты вдруг отпустила меня, бросилась вперёд и прижалась спиной к двери, раскинув руки, как распятие. Твоё лицо побледнело, на лбу выступила испарина.

— Ты мне не веришь? — ты почти кричала, но голос срывался на всхлипы. — Не смей открывать эту дверь! Ты пожалеешь! Слышишь, ты-ы-ы пожалеешь!

Но я уже не слушал. Я видел, как ты дрожишь, как ты оглядываешься, как губы твои шевелятся беззвучно — и понял: ты что-то скрываешь, ты чего-то боишься. Я шагнул к тебе, схватил тебя за плечи и отодвинул в сторону. Ты вцепилась в мои руки, пытаешься удержаться, пытаешься вцепиться мне в предплечья, но силы были неравны. Я оттолкнул тебя — слишком резко.

Ты пошатнулась, взмахнула руками, пытаешься схватиться за воздух, и с глухим стуком упала. Ты вскрикнула от боли, но я уже не смотрел на тебя. Внутри всё горело от злости и любопытства.

Я открыл дверь.

На пороге стоял один из твоих друзей, Аня, с телефоном в руке. Он удивлённо поднял бровь, увидев меня, а потом перевёл взгляд на тебя — на полу, в слезах, с разбитой губой. Я слышал, как ты прошептала сзади:

— Прости... это не то, что ты думаешь...

Но я уже знал, что именно то. А эти двое... они уже зашли туда раньше меня и... Один из парней снимал действо на телефон, а второй яростно пытался снять джинсы с тебя, Ника.

Ден провел пальцами по своему виску, где едва заметный шрам белел на загорелой коже.

— Ну, я не сдержался. Получил за это синяки, рассеченный висок, но и тех ребят я отделал так, что они потом неделю на улицу выходить боялись. Телефоны их я разбил в пыль. Мои родители, узнав о потасовке и опасаясь серьезных последствий, сразу отправили меня в Польшу. Ведь вы были еще несовершеннолетние. А потом мир изменился, начались проблемы: ковид, закрытие границ, бесконечные карантинны... Я так и завис там.

Он обвел рукой зал кафе, как будто указывал на свои достижения.

— Зато посмотрите, как все сложилось. У меня бизнес, семья, стабильность. Так что, девчонки, вы можете жить спокойно. Тогда, семь лет назад, я не просто подрался — я спас вашу репутацию. Если бы кто-то другой узнал об этом, а видео с телефонов ушло в народ, о вашей «учебе» можно было бы забыть навсегда.

Он вдруг умолк и пристально посмотрел на Аню.

— Зачем-то вы унесли мой телефон, когда убегали из подвала. Я выронил его, когда дрался с теми подонками. Хотя, честно говоря, там и смотреть-то было не на что...

В зале повисла звенящая тишина. Аня почувствовала, как пересохло в горле. Ден знал. Он всегда знал. Словно под гипнозом, она опустила руку в сумку. Пальцы нащупали холодный, гладкий корпус. Она вытащила старенький iPhone с треснувшим экраном и надкусанным яблоком на корпусе и положила его на стол.

Ден посмотрел на устройство, затем перевел взгляд на побелевшее лицо Ники, и его губы тронула холодная улыбка. Он поднял свой бокал.

— А теперь, — произнес он с той же бархатной хрипотцой, — тост. За то, что всё закончилось хорошо.

Он чокнулся своим бокалом о бокал Ники, заставив ее вздрогнуть от тонкого, жалобного звона стекла. Вино в бокале Ники показалось ей непривычно терпким, почти горьким. Она сидела напротив Дена, сложив руки на коленях, и молчала. Ника понимала: всё, что она считала правдой последние семь лет, было лишь вершиной айсберга, искусно выстроенной декорацией. Теперь детали складывались в совершенно другую картину, и от этого внутри всё холодело.

Она не перебивала. Не хмурилась. Не роняла чашку и не сжимала кулаки. Ника просто сидела, чуть наклонив голову, и смотрела на Дена немигающим взглядом. Внешне — спокойная, задумчивая. Но внутри, как шахматист за доской, она переставляла фигуры. Теперь они обретали смысл. И этот смысл был совсем не тем, что она себе внушала, и что внушала ей Аня.

Ден вдруг замолчал, ожидая реакции. Он явно готовился к крику, к обвинениям, к слезам. Но Ника лишь медленно кивнула, опустив взгляд на свои пальцы. Она чувствовала, как прежняя обида, что жгла её всё это время, тает, сменяясь ледяной ясностью. Рубить с горяча? Нет. Горячность — привилегия тех, кто не умеет ждать. А Ника умела. Она умела сидеть неподвижно, когда внутри бушует шторм, и улыбаться, когда хочется выть. Месть должна быть холодной, точной, выверенной — как удар скальпеля.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она ровным голосом. — Это меняет... многое.

— Ты, Ника, Аня сказала, теперь завидная невеста со своей квартирой, — Ден лениво крутил ножку бокала, глядя на неё с прищуром. — Может, пустишь на постой?

Ника едва не поперхнулась, закашлявшись в салфетку. Внутри все закипело. Вспомнилось, как семь лет назад они с Аней бежали через лес в панике. Она ничего не понимала, хотя хмель от страха, как ветром сдуло. Ден тогда разрулил ситуацию, но потом исчез. Это «спасибо» она задолжала ему навсегда, но эта невидимая цепь долга сейчас давила сильнее, чем когда-либо.

Ден рассмеялся, заметив её замешательство.

— Да пошутил я, — отмахнулся он, видя, что шутка не зашла. — Рассказывайте, что нового в городе.

Но разговор не клеился. Ника чувствовала себя как на допросе, где каждый вопрос был пропитан фальшью. Ей хотелось встать, извиниться и уйти в тишину своей квартиры.

В этот момент дверь кафе с тихим звоном открылась, и в помещение вошел Илья.

Его появление было таким же резким и уверенным, как и его образ. В голове у Ники пронеслось: «Еще только этого тут не хватало! Ну что за день такой?».

Илья прищурился, окинул зал взглядом. И, конечно, взгляд наткнулся на них. Он заметил Нику. На мгновение его лицо дрогнуло — возможно, удивление, а может, просто знакомое лицо. Он коротко, почти незаметно махнул рукой, но, прочитав в глазах девушки застывшее напряжение, тут же отвернулся. Он не стал подходить, не стал здороваться. Вместо этого Илья прошел через весь зал к свободному столику в самом дальнем углу и сел спиной к ним.

Ника выдохнула, почувствовав, как с плеч упал тяжелый груз. «Спасибо, что не подошел», — подумала она, ощущая странную благодарность к этому незнакомцу, который, казалось, понимал границы лучше, чем ее старый знакомый.

Аня, обладающая талантом видеть скрытые драмы даже там, где их пытались спрятать, тут же наклонилась к Нике:

— Это кто такой? Очень интересная личность.

Ника попыталась сохранить невозмутимый вид, хотя щеки предательски загорелись, а внутри бушевала ярость.

— Мой новый сосед с третьего этажа.

— Оооо, Ника, — протянула Аня, игриво дернув бровью, — а он женат?

— Нет, — буркнула Ника, жалея, что вообще открыла рот.

Ден, проследив за взглядом девушек, усмехнулся и бросил с оттенком иронии:

— Брутальный сосед. Смотри, Ника, как бы он не решил нагреть к тебе «на постой» вместо меня.

Ника чувствовала, что сейчас провалится сквозь стул. Ей хотелось вскочить, схватить пальто и убежать под дождь, лишь бы не сидеть здесь, под прицелом шуточек Дена. Она вцепилась пальцами в бокал, пытаясь удержать себя в рамках приличия, но внутри всё дрожало от бессильной злости.

В это время, в десяти метрах от них, за столиком у окна сидел Илья. Он смотрел в меню, но буквы расплывались перед глазами — взгляд скользил по строчкам, а мозг уже работал в привычном режиме, сканируя пространство.

Он заметил Нику и эту компанию, как только вошел. Вернее, сначала он увидел лощеного господина: безупречный костюм, дорогие часы, холеные руки. Илья сразу понял — такие типы не живут в этом городе. И уж точно они не сидят в захудалом кафе с облупившейся краской на подоконниках и скрипучими стульями. Этот человек был здесь чужим, как снег в июле. «Либо прошлое, либо большие неприятности,» — мелькнуло у Ильи. — «А чаще и то и другое вместе.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.